

СЕРГЕЙ
Зверев

**Забудь дорогу
назад**

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ БОЕВИК

СПЕЦНАЗ

Сергей Иванович Зверев

Забудь дорогу назад

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2455475

Зверев С. Забудь дорогу назад : Эксмо; Москва; 2011

ISBN 978-5-699-52448-8

Аннотация

Сколько существует человечество, столько было попыток создать «идеальное общество», в котором бы люди жили и трудились в полной гармонии друг с другом и природой. Где-то среди бескрайних просторов Сибири, в окольцованном непроходимыми горами районе, создано новое государство Каратай, иначе – «Республика дезертиров». Пока что новоявленная страна далека от совершенства и больше напоминает социальный полигон. Немудрено, что угодивший туда следователь военной прокуратуры Михаил Луговой сбежал из Республики при первой возможности. Но из чудовищного эксперимента над людьми выйти почти что невозможно. За беглецом начинается охота, и в итоге Лугового вместе с его новой подружкой Анютой снова конвоируют в счастливую «Республику дезертиров». Впрочем, у Михаила созрел дерзкий план...

Сергей Зверев

Забудь дорогу назад

В этом мраке, в этой теме

Страшно выглянуть за дверь:

Там ворочается время,

Как в глухой берлоге зверь!

Сергей Клычков

– Спокойной ночи, детка.

Не хотел я этого говорить, но вырвалось, не воротишь...

Она проворковала «угу, мой милый», уткнулась мне под мышку. Я скосил глаза, чудно же. Женщина отключилась, как новобранец после первого дня. Переработала. А кто призывал трудиться с такой самоотдачей и усердием, игнорируя первое правило представительниц древней профессии: не суетись под клиентом? Неопытная еще... Я снисходительно погладил ее по плечу. Из сизой дымки выплывал гостиничный номер. Подрагивало пространство. Злые духи что-то шептали, просачивались через щели в окнах, выдавливались из люстры, из розетки, протекали под дверь. Телевизор, выполняющий исключительно декоративную функцию, менял очертания. Колыхнулась штора, прикрывающая облезлую раму. Это было странно – форточку мы с партнершей не открывали. Начало лета на территории Юго-Западной Сибири выдалось «умеренно-зимним» – студеное, ветренное. Но

чью – плюс пять, днем – пятнадцать. Как говорила забытая знакомая: «Лето, что ли? Фуфайку можно расстегнуть?»

Я зажмурился, распахнул глаза. Темные силы неохотно отступили. Путана мирно посапывала, прижавшись ко мне щуплым тельцем. Память прокручивала знаковые события ушедшего дня. Информационное табло в зале томского аэропорта Богашёво. Щелканье шторок: отложено, отложено... Рейс на Сургут отодвинули на двадцать четыре часа «в связи с предполетной подготовкой воздушного судна». Износили технику в этом государстве. Уныло шутили пассажиры отечественных авиалиний: «Опять дают задержку до восьми»; «Пассажирам, вылетающим в Сургут, – просьба уйти из аэропорта». Сдавать билет? Не примут. Опять найдется множество причин. Потасился в гостиницу на территории «производственно-логистического парка» – благо повезло с номером. Словно чувствовал, что день не кончится просто так: покупал «готовый обед» в местной торговой точке – сдачи на кассе не было. «Возьмите что-нибудь», – посоветовала засыпающая кассирша. В традиционной этажерке с «сопутствующим товаром» – всё от мятных леденцов до батареек. Взял презервативы – без усиков, запаха, суровой классикой – исключительно для того, чтобы она проснулась. Но не на ту нарвался, даже ухом не повела. «А жидких у вас нет?» – спросил я. «Это как?» – она зевнула. «В Германии изобрели, – просветил я. – Наносится при помощи спрея, из баллончика. Обливаешься, минутку ждешь – вся проблема, зна-

ете ли, в том, мэм, чтобы не начать раньше времени...» – «Мужчина, не морочьте мне голову!»

Отвлекали подобные воспоминания. Память катилась, топча барьеры. Озарялись события месячной, полугодичной давности. Со дня контакта с неким Пал Палычем, предрекшим мне прямое попадание в лапы Благомора, прошло полгода. А я еще бегал! И был немало горд за свою смекалку и «неуязвимость». Чувствовал, как подкрадываются, проявляют интерес – и всякий раз уходил, менял места проживания, кочевал из города в город. И вскоре свыкся с таким положением дел, начал относиться к нему, как к азартной игре – что-то вроде «сыщиков-разбойников». Сгинул в прошлое Пал Палыч – обладатель красных корок самой «уважаемой» в стране организации, – хотя и сохранился в памяти продиктованный им телефон для связи. Усохла кучка наличности – теперь она была не такая большая, как раньше, но пока еще могла впечатлить рядового россиянина, добывающего дензнаки не из «тумбочки». Свой профессиональный праздник (День Дурака) я встретил в Барнауле – на съемной квартире. Чувство опасности притупилось, я жил нормальной жизнью, познакомился с симпатичной разведенкой, посещал спортзал, подумывал о том, что можно устроиться на работу (в смысле, что от работы надо получать удовольствие, а не деньги). В спортзале и вернулось прошлое. «Приезжали тут давеча по вашу душу», – как бы невзначай обронил гардеробщик дядя Коля – ветеран спортивных баталий. «По

мою?» – сжалось сердце. «Ага, – простодушно откликнулся гардеробщик. – На черной «бэхе», трое. Имени вашего не назвали, сунули фотку, а на фотке – вылитый вы. Извиняйте, струхнул, не стал им врать – неприятности мне вроде как ни к чему... А «бэха», мил человек, и сегодня у бойлерной прохладается, вы, должно быть, мимо нее прошли»... Решетка на крыльце уже скрипела, вытирали ноги – воспитанные. Рефлекс сработал, юркнул через черный ход. Маршрут продуманный – подворотни, гаражи, мастерская от конторы ритуальных услуг. Наблюдал из подъезда соседнего дома, как мой подъезд становится объектом паломничества, как спрашиваются старушки на лавочке, более вменяемая публика. Снова убегала от меня спокойная жизнь. Хорошо, что все свое ношу с собой... Купил путевку на отдаленную горную турбазу, а поехал в обратную сторону. В той «стороне» и принял трудное решение – хватит, либо уезжаю в глухую деревню – бороться с пьянством и поднимать сельское хозяйство (дуракам там самое место), либо делаю ноги из страны. Выбрал последнее – и почему, интересно? В Томске имелись связи в околोकриминальных кругах. За восемь тысяч долларов справил заграничный документ, не простой, а поддельный, но очень качественный. На фамилию – которую даже после долгих тренировок с трудом произносил. За отдельную оплату пропечатал визу – относительно дружественного государства Болгария. «Не тяни резину, – посоветовали околोकриминальные круги. – Если хочешь валить, вали быстро,

не подставляй нашу «благотворительную фирму». В Томске, как назло, не было международного аэропорта. Из Богашево осуществлялись лишь внутренние рейсы. Четвертое июня было на календаре, когда я купил билет на Сургут (а вот там как раз имелся международный терминал), забронировал место до Софии... и прочно застрял в Богашево. Причин для паники не было, в Сургуте все равно пришлось бы сидеть двое суток. Но нервы уже вибрировали. Спать на чемодане не прельщало, я отправился в гостиницу, расположенную на другом краю аэродромного комплекса. Просто повезло – выписывались счастливики, у которых объявили регистрацию на рейс. В интерьер гостиничного номера я даже не всматривался. Отметил краем глаза, что жить можно, уснул, а вечером проснулся – больше спать не хотелось. Читать нечего, телевизор не работает.

Смеркалось уже, когда я спустился в бар. В заведении было прибрано, уютно, царил интимный полумрак. Посетители имелись, но глаза не мозолили. Я устроился за столиком в углу, выпил рюмку текилы, закурил. Осторожность прилепилась, но в меру. Я рассматривал посетителей, бармена, оттачивающего жонглерское мастерство на виду у выпивающих. Мужчина с женщиной заняли столик под гравюрой с порно-буддистским содержанием. Лицо мужчины, севшего вполоборота, показалось мне отдаленно знакомым – но отвлекали очки и ровно постриженная окладистая борода. «Обойдись без паранойи», – подумал я. В этом не было ни-

чего оригинального – каждый второй прохожий в этой стране вызывал если не опаску, то настороженность. Парочке было не до меня, только сели – предались оживленной беседе. За стойку бара элегантно взгромоздилась проститутка. С чего я взял, что она проститутка? Одета вполне прилично (а женщины, как известно, бывают двух видов: хорошо одетые и хорошо, что одетые). Как показала дальнейшая жизнь, я не ошибся. Она смотрелась вполне мило. Достаточно худые ноги, но вот все прочее... из области, вызывающей неконтролируемое слюноотделение. Юбочка из шерсти – в меру мини; выше – что-то кружевное, третий размер (мне по нраву больше второй, но можно и третий). Приятная насмешливая мордочка, светлые волосы до плеч. Особо отметилась свернутая в «скатку» ветровка за ремешком увесистой сумочки. Дама выпивала – мелкими глотками, смакуя, забросив ногу на ногу. Смотрела по сторонам – украдкой, не вызывающе. Набитый глаз определил, что особа, может, и готова на всё, но в своей профессии еще не достигла сияющих вершин. К ней приблизился основательно нагруженный клиент заведения – с сальными повадками. Эдакий самец рода человеческого, перегар на крыльях ночи. Переговоры зашли в тупик – девица была готова не на всё. Разочарованный претендент удалился, а девица вновь взялась за посетителей. Я поймал на себе ее взгляд – мазнула, ушла, потом вернулась, снова посмотрела. Склонила головку на десять градусов – что означало небольшой интерес. Тут-то и хлопнуло мне в

голову. Уснула «служба собственной безопасности». Слюни потекли. Хорошие глаза были у девчонки, завлекающие. Не понравилось бы мне, если бы в этот вечер она досталась кому-то еще. Для порядка я помешкал – не будет ли мучительно больно за бесцельно потраченные деньги. Встал, направился к бару независимой походкой, овеявая посетителей дымом дорогих сигарет. Уселся на свободный табурет, раздавил сигарету в пепельнице и тут же поджег новую.

– Хорошие сигареты курите, – похвалила путана.

– Иначе нельзя, – сказал я. – Глупо экономить на здоровье.

А у вас плавочки хорошие.

– Правда? – смутилась девица. – И чем же они хороши? –

Быстро поправила юбку и (будь я проклят!) немного покраснела.

– Ну, это... – нашелся я, – удачно оттеняют ваши щиколотки.

Она смеялась, смотрела на меня с прибывающим интересом, изумрудные чертенята прыгали в зеленых глазах. Волосы у корней темные, отметил я. Это хорошо, значит, мозг еще сопротивляется. Я нес какую-то пургу – о привычке путешествовать по нашей пока еще необъятной родине, о тоске по женскому плечу, о том, что красивые глаза – это ВСЁ в женщине, а остальное приложится. Она с сомнением качала головой, представилась Анютой, а после десятиминутного знакомства сказала, что я ей очень понравился как мужчина (хорошо, не как женщина) и она, в принципе, согласна

прожить со мной до утра. А сто пятьдесят долларов – разве деньги в наше время?

Мы выпили перед уходом, я еще пошутил, что пить в России – без пользы, а не пить – нет смысла. Алкоголь бурлил в голове, я пытался завладеть ей на лестнице, она смеялась и несла прекрасную чушь о старомодных представлениях, о любви к горизонтальным плоскостям. Вот если бы я добавил еще пятьдесят долларов, она бы отдалась хоть на дверной ручке...

Ситуацию из-под контроля я не выпускал. Всмотривался в темень лестничных пролетов, убедился в наличии классической волосинки в двери моего номера, а шампанское мы пили только после того, как я собственноручно его открыл и разлил в чистые бокалы.

У нее и впрямь оказались интересные трусики. Маленький лоскуток площадью четыре квадратных сантиметра и две веревочки, похожие на леску. Она избавилась от одежды, оставила только это и, покачивая бедрами, удалилась в ванную комнату. На пороге обернулась, глазки лукаво блеснули.

– Расправь кровать, милый. И – как там в песне поется? – вся ночь впереди, разденься и жди.

– Слушаюсь, сударыня, – шутливо козырнул я.

Подождал, пока закроется дверь, подскочил с кровати, нацелившись на сумочку, висящую на спинке стула. Но скрипнула дверь, образовалась забавная мордашка, и я застыл в позе, как будто собрался совершить гиперпространственный

прыжок.

– Позируешь? – спросила Аня.

– За спичками, – объяснил я, как сумел. – Ты мойся, а я покурю.

– А-а, – протянула она. – Я хотела спросить – вода горячая есть?

– Была, – кивнул я. – Клянусь, до похода в бар точно была.

– Странно. – Она пожала плечами, парируя мой взгляд ниже серебряного крестика. – А на втором этаже вчера не было.

Дверь закрылась. Потекла вода. Я терпеливо ждал, приготовив на всякий случай зажигалку и сигарету. Дверь отворилась без скрипа, вылупилась любознательная физиономия.

– Действительно есть вода, – резюмировала Аня, посмотрела на меня как-то странно и в третий раз удалась. Сработал шпингалет. Зашуршала шторка. Я выждал несколько минут, высосал сигарету. Потом добрался-таки до дамской сумочки и начал исследовать ее содержимое. Вспомнился анекдот про железную трубу в женском ридикуле: у Аняты действительно такая была! Я вынул ее, уставился, не веря глазам. Сантиметра четыре в диаметре, окрашенная белой краской (женский вариант?), с аккуратно снятыми фасками, чтобы не попортить маникюр. Подбросил на руке. Ну и ну. Типичный тяжелый элемент. И чего только не найдешь в непригодном для этого месте... Впрочем, помимо трубы, ничего особенного не было. Ни удостове-

рения сотрудницы спецслужбы, ни шпионской аппаратуры. Косметика, гигиенические салфетки, презервативы (можно сэкономить на своих). Российский паспорт извещал, что ее владелицу зовут Анна Дмитриевна Соколова, двадцать девять лет, прописка томская, два года в разводе, детей Всевышний не дал, резус отрицательный, а группа крови первая. Я прощупывал сумочку, выискивая потайные карманы, когда за спиной раздался вкрадчивый голос:

– Потерял что-то, милый?

Я чуть кусок горла не выплюнул. Повернулся, испытывая некоторое неловкое ощущение.

– Прости. Долго объяснять. Так надо. Я должен знать, с кем связал свою жизнь до утра. Это тебя не волнует мое имя, а мне твое глубоко небезразлично. – Подумал и добавил: – Гражданка Соколова.

– Может, зубы мои посмотришь? – она прищурилась.

– Смотрел уже, – вздохнул я. – Не бери в голову, ладно? – Я обнял ее – гладкую, белую, впопыхах обмытую...

А потом все было славно и трогательно. Мы бормотали какие-то глупости, занимаясь серьезным делом. Я уверял, что обычно не пользуюсь услугами барышень «особого назначения» (чистая правда, между прочим). Она шептала, что совсем недавно ступила на скользкую стезю – жизнь заставила, а вообще она женщина правильная, мало испорченная, можно сказать, не целованная. Я тактично помалкивал – все они так говорят. В принципе, мне было приятно. И ей со мной

было неплохо. Мы устали, как будто неделю рыли колодец.
– Спокойной ночи, детка.

Она проворковала «угу, мой милый» и уткнулась мне под мышку. «Неужели ей совсем не интересно, как меня зовут? – с легкой обидой подумал я. – Или... знает?»

Я проснулся в два часа ночи – сильно обеспокоенный. Начал думать, чем. Гостиничный номер в тюремную камеру не превратился, Аня посапывала, где и положено. Было что-то неправильное... События минувшего дня проплывали пунктирами. Это запомнилось, это не очень... Я чуть до люстры не подлетел! Человек с окладистой бородкой в баре, увлеченно воркующий с дамой! Ведь была же мысль, что лицо знакомое! Убрать бородку, убрать «маскировочные» очки... Чем не капитан Орлега?!

Я откинулся, обливаясь потом. Может, показалось? Не такое уж оригинальное у Орлеги лицо. Работник службы безопасности алмазного прииска в зоне Каратая, скоро год, как мы с рядовым Балабаниюком (мир его праху) умыкнули Орлегу с места его трудоустройства, натянув на голову мешок. Участник заговора против Благомора – интеллигентный офицер, высшее образование, «новый декабрист»... Пожалел я его, не отправил к праотцам, а лишь хорошенько саданул по загривку. Рука у меня тяжелая, не меньше полугода он был обязан проваляться в больнице. Может, и провалялся, кто его знает, столько воды утекло с прошлого лета... Медицина у нас хорошая, снова трудится на своих хозяев.

Праведной местью томится?

А гражданка Соколова? Подсунули? Чего же она тут дрыхнет без задних ног, вместо того чтобы душить меня своими уникальными трусиками? Или не в теме гражданка?

В дверь постучали – размашисто, напористо. Дыхание перехватило. Сердце забилося, как барабан африканского племени. Я потряс за плечо Анюту.

– Эй, Соколова, подъем, у нас гости...

Очень к месту вспомнился анекдот. Стук в дверь. «Кто там?» – «Не бойтесь, не гости».

– Да иди ты... – забормотала она, отползая от меня на край кровати. – Это горничная, кто же еще...

В два часа ночи?!

– Немедленно откройте! – прогремел глухой металлический голос. – Милиция нравов! Нам известно, что в вашем номере находится проститутка!

– Ух, ё... – Анюта подпрыгнула, засуетилась, схватила за чем-то подушку, пометалась немного и, утробно урча: – Бежим, бежим... – припустила к окну. Отбросила штору, схватилась за шпингалеты. Рамы со скрипом стали отворяться. Свежий воздух ринулся в комнату, продул голову.

Не проснулась еще? Третий этаж! Голышом, расправив крылья? Я схватил ее за осиную талию, отволок от окна.

– Убьешься, глупая...

Спокойствие, только спокойствие. Мысли выскакивали из головы, не успевая пройти обработку. Уместна ли паника?

Если это действительно милиция нравов... «Минуточку! – Я похолодел: – Какая, на хрен, милиция нравов???»

Снаружи, видимо, поняли, что «осажденные» (не все) не утратили способности размышлять. Мощный удар вынес дверь! Я швырнул путану под кровать – похоже, наше знакомство заканчивалось полным безобразием. Но это уже не спасало. Зловещая тень шагнула в номер. Прозвучал хлопок. Взвизгнула женщина. Вот уж воистину, при сильном испуге у них атрофируется небольшая доля мозга, ответственная за ВСЁ. Вместо того чтобы лежать на полу и сопеть в прикроватную тряпочку, ее куда-то понесло. Мелькнуло тельце. Нападающий расценил это как атаку. Хлопнуло. Сдавленный хрип, нагая женщина покатила по полу. Жар в голове. Адреналин буквально зашкаливает. Я бросился под ноги злоумышленнику. Кто такой? Лица не видно! Технично сбил его с ног. Но тут ворвался второй. Чувствуя, что пуля уже на подходе, я применил толчковую правую, прыгнул на кровать. Затрещали пружины. Хлопнул выстрел – с глушителем били! Не передать, какой привлекательной становится жизнь, когда пытаются ее отнять! Я увернулся от пули – разлетелся настенный светильник, – долетел до открытого окна и вывалился наружу! «Третий этаж!» – вспомнил уже в полете...

Отчасти романтично – голый мужчина вылетает ночью из окна. Про ощущения не будем. Я извернулся спиралью... и схватился обеими руками за край стального кронштейна, на

котором был установлен кондиционер. Конструкция прогнулась, но я уже перебирал руками, перехватился за укосину из двутавровой балки, подтянулся. Окно оказалось приоткрытым – кому тут жарко? Пристроился боком на карниз и кувырком послал себя в помещение...

Болела рука, едва не вырванная из сустава, саднил бок, в голове творилось что-то невообразимое. Вспыхнул настенный светильник, и я застыл, как вор. Почувствуй, как говорится, эти яркие нотки. Две заспанные мужские физиономии высунулись из-под одеяла. Я расслабился и даже слегка развеселился, невзирая на бурю отрицательных эмоций. Третий не нужен? Готовый уже, на блюдечке.

– Послушайте, что это зна... – запинаясь, проговорил один из партнеров, но от страха не закончил мысль.

– Ночные маневры, господа, прошу отнестись с пониманием, – объявил я, отыскивая взглядом дверь. Схватил валяющиеся на полу атласные трусы, впрыгнул в них, еще раз извинился за причиненные неудобства и бросился прочь.

Я выскочил в вязкий мрак площадки второго этажа. Справа лестница, слева лестница. Номер – крайний по коридору. Сверху уже кто-то скатывался! Элементарный расчет – подбежали к окну, увидели, что я пропал в номере ниже, бросились ловить. Уже хрипели где-то рядом, я пригнулся. Кулак рассек воздух. Я расставил ноги, чтобы он не сбил меня своей массой, зацеп изнутри, он с визгом проделал петлю, покатился, считая ступени. Голова стучала по бетону – не са-

мый музыкальный, надо признаться, звук. За первым следовал второй. Ничего не понял, но вспотел. По хриплому дыханию я сделал вывод – этот тоже мужчина. Чтобы не было потом неловко... Я прижался к стене, а когда он спрыгнул на площадку, послал кулак в солнечное сплетение. Он захлебнулся, я отпустил затрещину – голова у парня едва не отлетела от шеи. Пот брызнул с него, как вода с собаки, решившей отряхнуться после купания. Я схватил его за грудки и отправил вдогонку за первым – считать ступени. Постояльцы, кажется, просыпались – соседняя дверь издавала недовольное брюзжание. Времени на передышку, увы, не оставалось – на меня снова кто-то летел! Да когда же они кончатся? Я наивно полагал, что злодеев всего двое! Приготовился к бою, но тут темнота отчаянно запищала:

– Не бей, это я...

– Анята?... – Кулак дрогнул. Я схватил ее за плечи. С женщины что-то сползло, упало под ноги, в руках остались приятные выпуклости. – Но ты же... хрипела.

– Захрипишь тут... – Она стала вырываться. – Мертвой я притворилась – как опоссум, доволен?

– Очень, – не без удовольствия признался я. – И куда бежишь?

– Откуда я знаю... Все побежали...

– Ты в чем, Соколова?

– В покрывале... Слушай, мужик, чё за фигня, а?

Она дрожала, зубы стучали так, что было слышно в Том-

ске. Я поднял с пола гостиничное покрывало, набросил ей на плечи, схватил за руку и потащил наверх. Времени не было, наше присутствие в гостинице становилось нежелательным, но куда бежать в таком, простите, натуральном виде? Мы влетели в номер, заперлись, стали судорожно одеваться. Путана что-то пищала, требовала объяснений, но я ограничивался рычанием и наводящими тумачами. Всё валилось у нее из рук, блузку натягивала почему-то через ноги, пальцы срывались, она не могла застегнуть пуговицы на юбке, в итоге отказалась от этой затеи, скомкала предмет гардероба, сунула в сумочку.

– Знаешь, дружок, у меня с тобой уже не только крыша едет, но и весь дом...

– Рад, что ты сохранила чувство юмора. – Я схватил эту копушу за руку и погнал прочь из номера. Мы неслись по ступеням, влетая в «кюветы» на поворотах, сумка колотила по спине. Терзало страшное подозрение, что я надел левый ботинок на правую ногу, а правый, соответственно, на левую. Злоумышленники валялись на площадке между нижними этажами. Один не шевелился, второй подавал «условные» признаки жизни – надрывисто дышал, царапал ногтями пол. Это было единственное освещенное место в гостинице – мутный плафон на стене озарял продолговатую клетушку. Я не смог пройти мимо. Не довел ли до греха? Кажется, нет, первый был жив – подрагивал. Холеное лицо, глаза отдельно от орбит. Персонаж незнакомый. Я перебежал ко второму,

который предпринимал попытки встать. Что-то воздуха мне стало мало. Господин Орлега... Лицо его посинело, кожа натянулась.

– Луговой, мать твою...

Тридцать семь лет уже Луговой. Хотя отдельные мои документы, в частности фальшивые, с этим категорически не согласны.

– Заткнись, дружище, – буркнул я и начал его обшаривать.

– Ну, чего ты там ищешь? – нетерпеливо прыгала вокруг меня Анюта. – Бортовой самописец?

– Соколова, кыш! – зарычал я. – Беги, пока целая! Чего ты ко мне привязалась? Кончилось наше приятное знакомство, понимаешь? Не стоило нам встречаться, но раз уж так вышло, извини...

Мне казалось, она ушла. Я забрал у Орлеги пистолет, украшенный глушителем, сунул за пояс под ветровку. Мои телодвижения заклятому врагу не понравились, он возмущенно закудахтал, схватил меня за горло. Сам напросился. Прошлым летом не добил, теперь уж точно добыю. Я врезал ему по челюсти – коротким и очень запоминающимся. Пара месяцев в больнице – это нормально. Клацнула челюсть, неприятель успокоился.

– Да кто ж ты такой? – стучала зубами Анюта. – У тебя что, лицензия на убийство?

– Ага, особо отличившихся. – Я сграбастал ее и побежал дальше – по короткому лестничному маршу, мимо стойки

регистрации, за которой ворочалось упитанное тело работницы «рисепшена», через «вертушку» – на свежий живительный воздух. Темнота царила знатная. Свинцовые тучи бежали по небу, накрапывал дождик. Ветер посвистывал порывами. Выделялись контуры припаркованных машин. За клумбами пролегла дорога – неслись автомобили с включенными фарами. Ни одной живой души, а это как-то странно, все же гостиница, имеющая отношение к перегруженному аэропорту... Рев взлетающего лайнера вернул к реальности. Аня повисла на руке, как чемодан с кирпичами. Похоже, голова у нее отключалась. Несла какую-то околесицу – а ведь еще минуту назад пыталась шутить.

– Послушай, девочка, – я взял ее за плечи и довольно нежно встряхнул, – давай договоримся раз и навсегда. Мы с тобой не виделись, ты меня не знаешь. Хочешь жить – чеши отсюда... и старайся отныне работать в другом месте. Будем надеяться, что твое хорошенькое личико не отложилось в памяти наших друзей. Понимаешь? Засим расстанемся. Топай.

Я развернул ее и придал ускорение. Она уходила на подгибающихся ногах, озиралась, превращалась в неясное пятно. Я облегченно вздохнул и припустил в обратную сторону – к выезду на дорогу. Поймаю машину и сделаю ноги из этой недружественной местности. Подождет страна Болгария. И спортачил – позорно, непростительно! В фургоне, припаркованном у тротуара, кто-то был. Вспыхнул дальний свет, ослепил. Открылись двери. Я собрал остатки воли в дрожащий

кулак, но долго, как видно, запрягал. Удар по голове, и день закончился...

Когда я очнулся, первой мыслью была такая: вроде хотели убить. Зачем тогда все эти пистолеты, навёрнутые глушители? Да и от пуль я увертывался весьма энергично. Чего же не убили? Передумали (какие мы непостоянные)? Другая компания? Второй моей мыслью было, что, возможно, я еду в чистилище: безбожно трясло, и плохо пахло. Голова трещала. Странно признаться, но с больной головой значительно лучше думается. Скрипел стальной кузов. По логике вещей, я находился в фургоне, фары которого меня ослепили. Я катался по полу и подпрыгивал, когда колеса попадали в яму. Определенно, мы ехали по проселочной дороге – асфальт у нас в городах, конечно, удивительный, но чтобы такие перепады... Руки были связаны за спиной клейкой лентой. Ноги тоже не размыкались. Машина подлетела, как на трамплине, и рядом жалобно замычали. Проснулся интерес. Я начал совершать возвратно-поступательные движения и ткнулся носом в тело. Последнее возмущенно задергалось. Похоже, я был не один. Не сказать, что открытие повергло меня в восторг, но стало бодрее. Предстояло набраться терпения и верить, что путешествие не закончилось слишком быстро. Я прижался спиной к борту, поискал пальцами что-нибудь выступающее. Уж с выступами в этой азиатской колымаге было все в порядке. Обломок кронштейна, в кото-

рый когда-то упиралось сиденье, условно подходил на роль ножа. Закусив губу, я несколько минут терпеливо перепиливал скотч, резал кожу, терпел неудобства. Руки почувствовали относительную свободу, но я выбился из сил – будто пешком, на единственной лошадиной силе, покорила высокую гору. Перекуривать это дело было некогда. Я сменил позу, стал резать пути на ногах. Затекла спина, я сместился на бок, рвал их руками. Отодрал клейкую ленту ото рта, вдохнул полной грудью. Пахло бензином, машинным маслом и... страхом. Я обхлопал карманы. Зажигалка на месте. Отлично – это не какая-нибудь китайская подделка, а нормальный аппарат, меняющий интенсивность пламени по желанию «заказчика». Осветился ржавый кузов, запасная крышка на грязном полу, рундук с инструментами, оконце в передней части кузова, покрытое равномерным слоем грязи. И, конечно же, скрюченное тельце у заднего борта.

– Анята... – Признаться, чего-то подобного я и боялся. Вот же пристала! Опрятная блузка превратилась в ободранный пиратский флаг, юбка держалась на одной пуговице, туфли на застежках, слава богу, не потеряла. Чумазая, волосы спутаны, на лбу царапина, глаза затравленно блуждали и горели.

Я подполз к ней, схватил за плечи и зашипел на ухо:

– Соколова, это я, мы спали вместе, помнишь?.. Сейчас я тебя развяжу, но веди себя прилично, не ори, не бейся головой, никуда не телепортируйся, договорились?

Она энергично закивала и сделала такой евангельский лик, хоть комедию снимай. Я старался не доставлять ей моральных и физических страданий, но когда я ее распутал, у женщины был такой несчастный вид, что я притянул ее к себе и крепко поцеловал.

– Ты в лоб себя укусила?

– Да шел бы ты... – Она не просто дрожала, она тряслась, как будто всё время нашей разлуки провела в холодильнике. Плюс какие-то подозрительные звуки из желудка.

– Ты в порядке, Соколова? Чего урчишь?

– Метеоризм... – Она сглотнула. – Желудок урчит, я тут ни при чем...

– Главное, чтобы не диарея... Ну, давай, рассказывай. Как настроение, чем занималась?

– Ужасное настроение, – всхлипнула путана. – Зачем я с тобой связалась? Мы расстались, я решила юбку надеть, а пока надевала, так треснулась лбом о столб, что сигнализация у кого-то сработала... До угла не успела дойти, а тут такая торпеда в борт... Схватили, потащили, связали... Знаешь, все это как-то не находит понимания в моем сердце... Трусика, кажется, порвались...

– Не страшно, – успокоил я. – У тебя их и не было. Слушай, Соколова. Помирать нам рановато, так? И в рабство по молодости лет не тянет, верно? То есть мотивирующий фактор нам не нужен. Поэтому лежи смирно, мои действия не комментируй и держи зажигалку так, чтобы я не рычал от

злости.

Она произнесла, мне кажется, несколько непечатных слов, но могло и послышаться. Мы страшно рисковали. Ночная поездка могла завершиться в любой момент, и благие планы пошли бы насмарку. И оконце за спиной у похитителей было, конечно, мутное, но стоило им обернуться, они бы разглядели огонек зажигалки. Я давно обратил внимание на рифленую крышку люка в полу. Конструкции некоторых авто подобные штуки предусматривают. Четыре шестигранных болта, утопленных в пол, чтобы не спотыкаться о них ногами. Я вскрыл обитый жестью рундук, рылся в инструментах, перебирал гаечные ключи, ржавые пассатижи. Полз к люку, бился с проржавевшей резьбой. Тужился, выплевывал слова, помогающие в тяжелой работе.

– Получается? – шептала Анюта.

– Нет.

– Может, так и задумано?

– Заткнись...

Она зависла минуты на две. Потом опять зашептала:

– Слушай, а кто эти люди?

– Не знаю.

– Ты что-то говорил про то, что нас убьют... Насмерть, что ли?

– Да, Соколова, все убийства, как правило, заканчиваются смертью. Меня грохнут, тебя трахнут, а потом и тебя грохнут. Может, помолчишь, пока работаю?

– А почему же сразу не грохнули?

Откуда я знаю, почему нас не грохнули?! Возможно, в ночном пространстве пересеклись две конкурирующие группировки, и в планы второй не входило умерщвление бывшего следователя военной прокуратуры. Пока он, разумеется, не скажет свое решительное «нет» на заманчивое предложение. Один из болтов начал поддаваться. Я усилил нажим. Болт выкручивался. С остальными было проще. Скоро вспыхнут жуткие мозоли, но я переживу. Звякнула крышка люка, выбралась из створа. Подползла Аня, сунула зажигалку под нос. Под кузовом бежала колдобистая грунтовка. Клиренс машины позволял не очень упитанному телу выбраться из машины. После полной, разумеется, остановки автотранспорта.

– А мы с тобой находчивые ребята... – урчала путана.

– Особенно ты. – Я задумался. – Хотелось бы знать, сколько рыл нас сопровождает...

– Не вопрос, сейчас узнаем... – Она вернула мне зажигалку и поползла к кабине. Я зажмурился – натворит сейчас... Впрочем, сильно зажмуриваться не стоило – она действительно порвала свои трусики. Доползла до борта, вцепилась в него тонкими ручками, приподнялась, опасно балансируя. Секунды тянулись, как резиновые. Она сползла на пол, вернулась.

– Двое... – Чуть ухо не откусила.

– Ты уверена?

– Да, представь себе, я отлично считаю до двух... Не видно ни зги, но эти голоса... Один говорит, что ехать осталось минут пятнадцать, а второй – что давно бы уже приехали, если бы – цитирую: «Ты, олень якутский, не проворонил поворот у Востражино». Без мата общаются, странно...

Да, встречаются еще в стране интеллигентные и воспитанные люди.

– Схема тут такая, Соколова. – Я прижался губами к ее уху. – До пункта назначения мы доехать не должны. Там и сгинем. Уж поверь, с привычным миром мы расстанемся раз и навсегда. Сейчас ты начинаешь колотиться в окошко и кричать дурным голосом.

– О, это я умею... – Она обрадовалась.

– Но кричать ты должна не абы что, а исключительно в тему – чтобы они остановились. Например, «мужик помер, вы везете мертвеца», или что-нибудь в этом духе. Держу пари, остановятся. Начинай, Соколова, соберись с духом, у тебя получится...

Уши бы мои не слышали, что она орала. Приличная с виду девчонка, а такие загибы! И как с ней в постель ложиться? Впрочем, в постель с этим чудом я уже не планировал. Машина подпрыгнула, встала, послышались недовольные голоса. Хлопали дверцы, а я уже протискивался вниз головой в узкий проем. Я был уже на земле, глотал невкусную российскую пыль, выпутывался из каких-то приспособлений, про-

израстающих под днищем, когда слева и справа протопали двое, заскрежетала скоба, створки кузова пришли в движение. Мне не стыдно перед дамой за свое дальнейшее поведение. Я полз, как ящерица, а когда вспыхнул фонарь, был готов к действию. Да здравствует военная прокуратура! Первым делом я бросился к тому, что стоял в стороне от кузова с пистолетом на изготовку. Вывернул руку, разбил коленную чашечку, сместил ребром ладони пятый от черепа позвонок. Ничего оригинального, но сработало. Похититель невинных россиян кулем повалился в пыль. Второй отшатнулся от кузова, резко повернулся. Но я уже летел к нему на шею, повалил и серией мощных оплеух выбил душу. Излишне говорить, что после упомянутых действий я чувствовал себя примерно так же, как эти парни.

Я собрал в поясицу остатки воли, сползал за фонарем. В изнеможении уселся посреди дороги.

– Ну, ты и выступил... – оценила Аня, сползая на землю. – Ты кто, киборг? Ты точно долбанутый на всю голову...

– Есть такая особенность, – проворчал я. – Но не тот я уже, вступаю в возраст, когда не следует портить борозды, уставать сильно начал... Оценила воздух свободы, Соколова? Как чувствуешь себя?

– Зашибись, – неуверенно сказала путана. – Чувствую себя пацаном. Странно, приятель, даже не знаю, как тебя зовут... Впрочем, вру, бородатый дядька в гостинице, которому ты сделал пластическую операцию, назвал твою фами-

лию. Я ее запомнила. Ты – Луговой.

«Теперь придется ее убить», – подумал я.

– Это одна из моих фамилий, – вздохнул я. – Эмигрировать из страны я планировал под фамилией Кохенбродер.

– Ничего себе фантазия у преступных элементов, – умилилась путана. – А звать тебя как – Арзамас Христофорович?

– Глупая. Это немецкая фамилия. Да и та осталась в прошлом.

– Не расстраивайся. – Анята доковыляла до меня на подгибающихся ногах, свалилась и прижалась к плечу. Я приложил усилие, чтобы мы оба не упали. – Я буду звать тебя Луговым. Ведь это настоящая твоя фамилия?

Какая разница? Двигатель машины прерывисто работал. Тела не шевелились. Мы застряли на проселочной дороге в стороне от населенных пунктов. Пахло луговыми травами. Посвистывал ветер. Тучи кубарем катились по ночному небу. С обеих сторон обочины простиралось поле – рослая трава, отдельные кусты, не способные похвастаться обилием листвы. Справа выделялась полоса леса. Если развернуть машину, можно добраться до него за несколько минут.

– Поехали... – Подниматься было сложно – приходилось поднимать двоих. – Оттащим этих гавриков в кювет и попробуем оседлать железного коня. Пока нам с тобой не холодно, но это дело нескольких минут...

– Предлагаешь стать соучастницей преступления?

– А ты еще не стала?

Не хотелось мне знакомиться с этими «гавриками». Меньше всего меня волновало, как они выглядят, из чего стреляют и какие документы носят в карманах. Я осветил для порядка их лица, не отметив в них ничего выдающегося или знакомого, стал отгаскивать в водосток. Анята больше мешалась, чем помогала. Один из «пострадавших» начал что-то выражаться – она тут же предположила, что парочка пуль ему не повредит, но сама смутилась своей кровожадности. Я знал несколько способов, как на несколько часов удалить человека в астрал, попросил ее отвернуться и применил один из способов. Вероятно, она подглядывала, потому что с этой минуты стала помалкивать. Я вооружился новым стволом – относительно компактным ПСС (предыдущий трофей у меня, понятно, изъяли), закрыл кузов, мы сели в дрожащую и чихающую машину (Анята вышла из задумчивости и заявила, что эта машина одержима бесами), развернулись и поехали к лесу.

Осинник был густой, имел высокий подлесок, хорошо скрывающий машину от ищущих взглядов с дороги. Я оставил включенным двигатель, активировал белесый свет и провалился в прострацию. Не знаю, как долго там находился – вывело меня из прострации робкое покашливание. Я вспомнил, что не один, открыл глаза. На приборной панели старенького грузовичка мигали лампочки. Пространства было немного, колени упирались в крышку бардачка. Я покосился

налево. Женщина не пропала. Грязная, как чушка, волосы дыбом, в глазах нездешний блеск. Сомкнула коленки, защемив себе ладони, смотрела на меня, как счастливый обладатель синдрома Дауна – с открытым ртом. Я проглотил смешинку – ситуация, в общем-то, серьезная. И как мне избавляться от этого «подкидыша»? Пинком из машины?

– Ты ведь не собираешься меня убить? – спотыкаясь, спросила она.

– Занятно, что эта мысль пришла тебе в голову. Что-то натолкнуло?

– Не знаю. – Она пожала худыми плечами. – У тебя такое лицо, будто ты оставил дома включенным утюг, но точно в этом не уверен.

– Я просто нерешительный.

– А я дура. И ничего, живу как-то с этим.

Нечасто встретишь женщин, применяющих в быту самокритику и самоиронию. Из любопытства я открыл бардачок и извлек оттуда скомканную сумочку Анюты.

– Держи, вахлячка. Радуйся – документы не придется восстанавливать. Впрочем, проверь, на месте ли твой серпастый-молоткастый.

– Ага, уже веселее, – обрадовалась Анюта, вырвала у меня сумку и принялась в ней копать, издавая оптимистичные междометья. Стальная труба, как видно, была на месте. Помимо дамской сумочки, в бардачке имелись тряпки, пачка «Кента» и початая бутылка кизлярского коньяка. Стало еще

веселее, хотя я рассчитывал на что-то другое.

– Подержи. Но смотри, не пей.

Я выбрался из машины и с помощью рычага приподнял водительское сиденье. В тесном ящике я нашел именно то, что хотел – собственную сумку плюс пятилитровую канистру (возможно, с бензином). Я вернул сиденье на место, уселся... и с возгласом возмущения отобрал у Анюты бутылку. Она пила из горлышка – жадно, быстро. Коньяк потек по дрожащим губам, формирующимся в жалкую улыбочку.

– Ты алкоголичка?

– Некогда. – Она сыто облизнулась.

– Серьезно? И чем же мы таким заняты? Ну, кроме этого твоего... – я помялся. – Апартаменты, выезд, дорого...

– Да никакая я не путана, – обиделась Анюта. – Всего четыре раза успела за деньги...

«Какая славная женщина», – подумал я.

– Ага, стало быть, ты у нас на испытательном сроке.

– Да ну тебя. – Она оскорбилась, поджала губы. – Кстати, ты мне должен сто пятьдесят долларов. Пока не отдашь, не отстану.

«Хорошо, что больше не требует, – подумал я. – А ведь могла бы – за массу причиненных неудобств». Расстаться с четырьмя тысячами рублями было гораздо приятнее, чем расстаться с жизнью.

– Клево, – обрадовалась путана и спрятала деньги в лоснящееся от грязи декольте. Я хлебнул из бутылки и откинул го-

лову. Коньяк побежал по сосудам, нормализуя протекающие в организме процессы. Стало легче, жизнь обрела смысл, и даже болтовня «компаньонки» сносилась вполне терпимо. А после следующего глотка я даже заслушался. Анюту провало – обычное дело в стрессовых ситуациях. Не везло ей в этой жизни. То с инфантом судьба сведет, то «зоофилией» заболает – влюбится в полное животное. Замуж однажды ходила – муж ей, в принципе, нравился, но зарплата мужа – абсолютно нет. И любовница, которой он обзавелся через год счастливой семейной жизни, совершенно Анюте не понравилась. Не сложилась жизнь – а ведь не глупая, не страшная, как ядерный гриб, и с юмором все в порядке. Бывают такие неудачницы. Не любит их Господь. Высшее образование, работа в центральной городской библиотеке (культурного багажа – аж с прицепом), служила секретаршей у крупного босса в нефтегазовой отрасли. Но тоже не сложилось – отправил в «отставку», заменив на молодую и сговорчивую. С дальнейшим трудоустройством откровенно не везло, а тут еще тетка прибыла на ПМЖ – в крохотную однокомнатную квартиру. У тетки дом сгорел, не выгонять же? А работать родственница не умеет и не умела никогда, но аппетит у нее волчий, язык острый и габариты такие, что ванная комната в ужасе содрогается, когда тетка в нее заходит. Странно устроилась жизнь: расходы есть, доходов нет. И ударило однажды Анюте в голову – а почему бы не попробовать легкого заработка? Попался кандидат каких-то наук, летящий из Н-ска в Стре-

жевой, – добрый, круглый, как глобус. Помидоры завяли, а всё туда же. После кандидата были мелкий (очень мелкий) коммерсант, штурман отечественной авиации, получивший срочное полетное задание и не успевший добежать до жены; истыканный наколками бандит-геолог – преобразователь природы, сто чертей ему в бороду – просто задавил Анюту своей тушей. Она и не почувствовала ничего – правильно, что почувствуешь в обмороке? Потом решила ванну с солью принять – отойти от стресса, соль насыпала, не дождалась, пока растворится – попу до крови расцарапала...

– Ты был пятым, – заключила она. – Но вмешались... как их... роковые обстоятельства. Теперь не знаю, как жить дальше. Страшное ремесло.

– Даже не знаю, что тебе посоветовать, – пробормотал я, припадая к бутылке. На дне еще что-то плескалось. – В принципе, проституция – не самое почетное занятие.

– Серьезно? – изумилась путана. – Ты открываешь мне глаза. Послушай, – она решительно сменила тему, – ты что-то говорил про рабство? А к чему ты это говорил?

А дальше я не понял, что нашло. Размяк, потек, принял алкоголь – достаточно, чтобы развязался язык. Да еще эта девчонка, присутствие которой, глупо признаться, взывало к откровению. Или не откровение это было вовсе, а дурная привычка размышлять вслух? В общем, нашло, и я начал изливать душу. Рассказывал все, что со мной было. Лако-нично – сжатыми тезисами. Начал с того, что жил на све-

те некий старший следователь военной прокуратуры Луговой Михаил Андреевич, которому так же не повезло с работой, – сослало руководство в богом забытый Марьяновский район на севере Иркутской области. И с личной жизнью не сложилось – жена приделала рога и скрылась. И работу подкинули незавидную – сопровождать роту военнослужащих, преследующих двух дезертиров, с помпой сбежавших из части. У рядового Райнова папа переехал на работу в Кремль, и решил он в этой связи вытащить сына из армии. А пацаны-то не знали, вот и рванули, не стерпев издевательств. При этом прекрасно знали, куда бежать – подсказал один хитроватый товарищ. Дескать, имеется неподалеку страна всеобщего равенства и счастья... Действительно, имелась страна. Государство в государстве. Большая аномальная зона, в которую трудно попасть, еще труднее из нее выбраться. Каратай. Республика дезертиров. Загадочное урочище километров восемьдесят в поперечнике – с юга ограниченное непроходимой горной страной, с севера – топяными болотами. Та самая легенда, о которой больше века ходят слухи по Сибири. И самое обидное, что никто к этим слухам не относится серьезно. Дезертиры знали о тропе в скалах. Открыли огонь, когда подразделение ракетчиков взяло их в клещи. И пропали... Нескольким несчастным, среди которых был и следователь Луговой, удалось взять след. Мы гнались за преступниками по подземным галереям, попали в обвал. Бурная река вынесла нас на поверхность и бросила на камни.

Красивее места в Сибири я не видел. Территория, покрытая мраком таинственности... Мы пытались вырваться из этой красоты, но только увязали. Нас водили лешие, гнали дикари, бородатые вооруженные громилы из сказаний о Кудеяре. Мы вступали в стычки с работниками спецслужб, имеющих в Каратае собственный интерес – в виде никем не контролируемых алмазных приисков. Предприимчивые люди держали здесь армии рабов, выращивали наркоту. В долинах с благодатным климатом произрастал даже опиумный мак. Плодились секты – местные феодалы умудрялись держать их в узде. Контрабандные тропы тянулись через Каратай, за проезд по оным взималась плата. Держу пари, здесь творилось много чего и похуже – я просто не успел это выяснить в силу кратковременности «командировки». Сам факт существования закрытого анклава, о котором никто не говорит, – разве не напоминает таинственный эксперимент с неизвестными целями, проводимый неизвестными лицами и организациями? Мы пытались вырваться из этой трясины, теряли людей. Я застрял на две недели в концлагере Саула – хозяина Лягушачьей долины. Подавляющую массу рабов составляли люди с физическими и умственными отклонениями, тайно завезенные в Каратай. Местный правитель, некто Благомор, радующий за свою безопасность, вербовал меня в свою команду, но я был против. Надвигался передел – он это чувствовал. Мы бежали из концлагеря – я набрал себе в команду достойных людей. Вырвались из ада и вновь скитались по урочищу.

Предательство – как гром среди ясного неба. Участник заговора против Благомора все время находился рядом с нами! Сообщник капитана Орлеги, которого мы умыкнули из жилого городка алмазного прииска... В этой мясорубке уцелели только мы с Орлегой (не умею я приканчивать безоружных). С этого часа мысль об уходе «за пределы» становилась идеей фикс. Я бежал, прихватив с собой коллегу Павла Викторовича Булдыгина, застрявшего в «республиканском» лазарете. Доставил жене, снабдил деньгами на первое время... и растворился на просторах необъятной страны. Кочевал из города в город, из региона в регион. От мысли о возвращении в Каратай волосы вставали дыбом. Уж лучше сразу в топку. А за мною мчался по пятам... Уж лучше бы исполнительный лист. Я даже не задумывался, какие люди и организации на меня поставили и почему именно на мне пересеклись векторы их интересов. Я бегал, как заяц, и вот сегодня ночью чуть не добежался. Эти демоны везде. Не хотелось бы думать об этом, но, боюсь, и завтрашний день не принесет результата, на который я рассчитываю...

Я закончил свой сумбурный рассказ и замолк. Осторожно скосил глаза. «Благодарная слушательница» смотрела на меня с неприкрытым страхом и, похоже, решала дилемму – сразу сбежать или пока остаться.

– Что? – вздохнул я.

– Это... мистика? – тихо спросила она.

– Физика, – разозлился я. И по какой нужде тут, спраши-

вається, распинаяся?

– Ну, нічого, нічого. – Она погладила меня по руке. – Будет о чем поговорить с психіатром...

– Ладно, поговорили уже, – отрубил я. – Кстати, Соколова, давно хотел тебя спросить. Ты случайно оказалась в баре гостиницы? Знаешь, не могу избавиться от тягостного ощущения, что ты хорошая актриса.

Воцарилось гнетущее молчание. Только ветер шумел в кронах деревьев – гудел, подвывал, как далекий паровоз. Анята беспокоійно шевельнулась.

– Ты в каком это смысле?

Я внимательно следил за ее лицом. Прояснилось в голове, алкоголь не мог пошатнуть мой разум. Некоторым женщинам, о чем свидетельствовал горький опыт, свойственно в минуты опасности проявлять повышенную резкость.

– Да уж не в библейском, Анята, – это я про смысл...

– Тьфу ты. – Она расслабилась. – Ты подумал, что я с ними заодно... Льстишь, Луговой. Ты точно сумасшедший... Тараканы в голове чего-то празднуют? Может, права мне считаешь? Их, знаешь ли, не так уж и много...

– Ответ на вопрос, Соколова.

– Кретин! – взвизгнула она. – Ты же сам подошел ко мне в баре!

– А как к такой не подойти... – Кровь прилила к щекам. Скрипнув зубами с досады, я завел «одержимый бесами» грузовик и начал выдергивать его из леса.

Я остановился на краю поля, задумчиво поглаживал рычаг трансмиссии. Кто бы объяснил, куда ехать. Пределы Томской губернии мы, наверное, еще не покинули. Я нашел Полярную звезду под ковшом Большой Медведицы. И какая польза с этого точного ориентирования? Подводил меня мой «светлый» ум. В свете фар мерцала развилка – от проселочной дороги отпочковывалась аналогичная и по широкой дуге тянулась к темнеющему справа лесу. А та, что слева, убегала к поселку за перелеском – горели огоньки в домах полуночников. Тучки понемногу рассеивались – в разрывах между лохмотьями мерцали звезды, показался спутник Земли, озарил заросшее разнотравьем поле. Часы показывали начало третьего. Неторопливо протекала ночь. Я испытывал сомнения, колебался. Не должен был я этого делать! Я обязан быть решительным и твердо знать, чего хочу!

Анюта помалкивала в ожидании вердикта.

– Ладно, подруга, – решил я. – Прости за все, не знаю, кто ты такая, и знать не хочу. Не сочти за бессердечие, но дальше ты со мной не поедешь. Это опасно прежде всего для тебя, а не для меня. Прогуляешься, жирок растрясешь – зато останешься в приятной компании живых людей. Будь здорова, хорошо провели время. И моську не забудь помыть, – добавил я, – прежде чем с людьми общаться станешь.

Она вздохнула – тяжело так, драматично. Потом еще раз. Давила на больные струны.

– Только не жалоби, – предупредил я. – К прениям не переходим. Деньги у тебя есть. Попросись на постой к добрым самаритянам. Утром спросишь, где тут ближайший автобус до областного центра. Топай, Соколова, топай. Славная ночка. Не мотай мне нервы.

– Сука ты, Луговой, – резюмировала Анюта и стала выбираться из машины.

Оценка была резковатой. Но, в сущности, справедливой. Я молчал. Угрюмо смотрел, как она уходит по дороге – шатаясь, припадая на левую ногу, волоча сумочку – та подпрыгивала за ней в пыли, как миниатюрные санки. Гордая – не оглянулась. Миновала развилку, ушла влево. Бороться с последствиями этой ночи нужно было решительно и сразу. Я снял машину со стояночного тормоза, доехал до развилки, повернул направо, прыгал по кочкам, обеспокоенно прислушиваясь к веселому дребезжанию под капотом. Темный лес неторопливо приближался. Мне требовался план хотя бы на ближайшую неделю. Просто сесть и подумать. Вариантов множество. Напиться до зеленых соплей, удалиться в ближайший скит и слушать, как растет борода, записаться в Иностранный легион...

Да что со мной происходило?! Я ударил по тормозам и начал ждать, пока противоречия разорвут меня окончательно. До леса оставался какой-то пустык! Но я сидел, как полное ничтожество, проницал черноту за окном, ждал, пока в хранилище совести, запрятанном глубоко в желудке, создастся

критическая масса. Выдал в пространство непечатную тираду и... принялся разворачивать машину.

Через несколько минут я догнал Анюту – она брела по дороге против ветра, вся такая гордая, недоступная. Даже не покосилась в мою сторону.

Несколько минут я ехал рядом, свесившись из окна. Ждал, пока она что-нибудь скажет. Она молчала. Я тоже молчал. Наконец, она не выдержала, повернула голову.

– Чего смотришь? Даму под парусом не видел?

– Садись, – сказал я, – яхтсменка. Считай, разжалобила. Довежу тебя до какого-нибудь приличного места, а там уж, извини. Мэри Поппинс, как говорится, до свидания.

– Не сяду, – фыркнула Анюта. – Я уже в непосредственной близости...

– От непосредственной близости, – кивнул я. – Ладно, прости, погорячился, бросил тебя одну в трудную минуту. Садись, говорю!

Я резко остановил машину. Она вздохнула, кое-как обошла капот, застряла в дверях. «Порвали парус?» – хотел я съехидничать, но в горле застряло. Зря я орал на нее. Она качалась от усталости, нога срывалась с подножки. Пришлось обойти машину, подобрать слетевшую туфельку, посадить. Мы ехали молча. Миновали поселок, где в нескольких домах горел свет, потряслись по полю, свернули за покатым холм. За возвышенностью проселочная дорога влилась в щебеночную, и стало веселее. Показались крыши большого селения.

Мы проехали заправку, состоящую из цистерны и сломанной колонки, миновали околицу. Потянулись дома барачного типа. Поселок спал – ни одного огонька. Под капотом древнеяпонского грузовичка происходили какие-то метастазы. Двигатель начал всхлипывать, чихать, плевать. Замигала красная лампочка на приборной панели. Я плавно выжал тормоз.

– Странно, – пробормотала Аня. – Раньше эта штука не плевалась.

– Раньше в этой штуке был бензин, – проворчал я.

Я выбрался из машины, извлек из-под сиденья канистру и отправился искать отверстие бензобака. Бензин сливался неторопливо, я успел осмотреть окрестности – погруженные во тьму бараки, кучку сараюшек перед примыкающим проулком, гору битых кирпичей, сваленные в беспорядке брусья. Скрипнула автомобильная дверца, Аня – типичная зомби – не видя, что творится у нее перед носом, протаскилась по траверсу и застучала в железную дверь.

– Не стучи, – буркнул я. – Это трансформаторная будка. Куда тебя понесло? По нужде приспичило? Так сходи под машину – резина стерпит.

Она упорно стучала – видно, решила это делать до образования румяной корочки. Я выбросил пустую канистру, завинтил крышку бензобака и отправился спасать боевую подругу. Обнял за плечи, увел от трансформаторной будки. Она протяжно засопела – сложила головку мне на плечо и

уснула. Я почувствовал что-то тянущее в костяшках левого кулака. Эту соню было проще донести, чем довести. Я поднял ее на руки, подхватил сумочку.

Но даже не донес! Развязка подкралась незаметно, с выключенными фарами! Откуда она взялась, из переулка? У этих японских джипов мотор работает абсолютно беззвучно!

– Ну, хватит, Луговой, – прозвучал насмешливый мужской голос. – Побегали уже. Аккуратно положите женщину и медленно поднимите руки. К вам не будут применять мер физического воздействия.

Шея перестала гнуться. Тоска в груди – не продохнуть. Эх, отмотать бы обратно... Я повернулся вместе с повисшей на плече Анютой. Громада внедорожника возвышалась в двадцати шагах. Двое приближались – медленно крадучись.

– Не надо геройствовать, Луговой. Вам женщина мешает. Положите ее – хоть в машину, хоть на землю, будьте же благоразумны.

Не хотел я быть благоразумным! Коленом распахнул дверцу, пристроил женщину на сиденье. Она спала – хоть бы что. Не смог бы я – по вполне понятным причинам – перевалить через нее за руль, дать по газам и с триумфом умчаться. Но где-то был пистолет...

– Давайте не дергаться, Луговой. У вас оружие, мы знаем. Медленно поднимите руки и сомкните за головой. Чувству

вашего достоинства ничто не угрожает. Мы не та компания, что пыталась прикончить вас в гостинице.

Существовали, насколько понимаю, три компании, имевшие на меня виды в связи с событиями в Каратае. Одна компания, ведомая Орлегой, хотела отправить меня к праотцам, другая, в коей значился «его величество» Благомор, собиралась предоставить мне «работу»; а третья, зная, что вторая компания рано или поздно предоставит мне «работу», была не прочь переманить меня к себе и сделать поставщиком информации. Ни с одной из этих компаний мне было не по пути (особенно с первой).

В голове проматывались варианты. Имеет голова такое свойство – вести кипучую деятельность в безвыходных ситуациях. Я медленно отошел от машины и поднял руки. Заводить их за голову не спешил, перед этим нужно было выбросить Анютину сумочку, висящую на ремешке. Двое приближались.

– Проблемы со слухом, Луговой? – Голос второго мужчины был значительно резче. Он и стал будильником для Анюты. Истошный визг забился в кабине! А кто виноват? Предупреждали – уходи, не жалоби, нельзя нам быть вместе! И сразу все переменялось, пришло в движение. Первый притормозил, второй шагнул ко мне. Я тоже не стоял. Взметнулась сумочка, я перехватил ее в правую руку – отменная праща! А если учесть кусок трубы – просто убойный материал! Была у меня в начале вечера неясная мысль, что если в пер-

вом акте на стене висит ружье...

И послал ее с удивительной точностью! Агрессор получил по челюсти и рухнул, как подкошенный. А я нашляпил. Вместо того, чтобы выхватить пистолет, я кинулся ловить столь незаменимую в ратном деле сумочку, поскользнулся на брошенной мною же канистре и с воплем, на удивление созвучным с воплем Анюты, растянулся на земле. За секунду до удара пистолетной рукояткой успел подумать: вот и подошел к концу мой затянувшийся квест...

Пробуждение было странным, отрывочным, частичным – в нем участвовали отдельные органы чувств, но не зрение. Я лежал парализованный, кружилась голова. В горле было сухо, по лбу катился пот, но, несмотря ни на что, я чувствовал себя вполне сносно и был не прочь поболтать.

– Вот вы и с нами, Михаил Андреевич, – вкрадчиво говорил незнакомый голос. – Побегали, пора и домой. Вы же не беспризорник какой-нибудь.

– О, да, – отвечивал я. – Дом, милый дом... Вы не представьтесь, уважаемый?

– Излишне, Михаил Андреевич. С вами беседует... хм, не автоответчик, скажем так – специалист среднего звена, пребывающий в курсе нашей темы и знающий вопросы, на которые вы дадите ответы. Вы же не прочь пообщаться?

– А как я откажусь? У нас сегодня «амиталовое» интервью?

– О, вы читали «Пособие по психиатрии для инакомыслящих» под редакцией Буковского? Вы образованный человек, Михаил Андреевич. Стоит ли забивать себе голову? Совершенно не важно, какое вещество вам ввели – кетамин, пентотал, амитал-натрий или скополамин. Оно в любом случае подавляет вашу волю и лишает способности спокойно врать. А еще поднимает настроение, согласитесь.

– Оно не вредное?

– О, нет. На ваше богатырское здоровье данная прививка никоим образом не повлияет. Здоровый сон – и будете как огурчик.

– Позвольте усомниться, уважаемый... Насколько я знаю, последствия сродни с осенним гиповитаминозом – зрение садится, усталость прогрессирует, ногти ломаются... Зря вы так. Информация, коей я владею, не стоит того, чтобы жертвовать моим неповторимым здоровьем. Могли бы и так попросить – я бы охотно поделился.

– Сожалею, но такой порядок.

– Неправильный у вас порядок...

– Лучше неправильный, чем никакого.

– Где женщина, что была со мной?

– Хм, нехорошо, Михаил Андреевич. Здесь не викторина, не свадебный конкурс, вопросы задаю я. Забудьте про женщину, она никто, пройденный этап. Использовали, расплатились и выбросили из головы. Но чтобы вы окончательно не расстроились, скажу – ее не убьют. Сами виноваты – зачем

вы так откровенничали с ней в машине? Пусть она и не поверила вам, но пускать это дело на самотек мы не можем. Предвосхищаю ваш второй нетактичный вопрос – как нашли вас в сельской местности в тридцати верстах от томского аэропорта. Сами, наверное, догадались: в машине был маячок. Машина нашей организации, понимаете? Подержанная, но надежная и в глаза не бросается. В кабине имелся не только маячок, но и микрофон, так что мы примерно были в курсе происходящего. Вас хотели взять без шума, но вы же не можете без шума – вы обожаете спецэффекты и членовредительство. На ваш след вышли еще в Барнауле, но не светились, поскольку заметили конкурирующую организацию, проявляющую к вам интерес...

– Капитан Орлега? Гнусный заговорщик... Он еще не расстался с компанией, планирующей свергнуть с трона вашего царька?

– Нет, их намерения с каждым месяцем становятся все более угрожающими. Но давайте поговорим о другой компании – есть еще и третья сила, не забыли? В ноябре месяце вы имели беседу с господином, занимающим ответственный пост в Управлении ФСБ по Н-ской области...

– Вы про Пал Палыча?

– Хм...

– Да уж, славно мы поиграли тогда в пятнашки... Он нашел меня во второсортной пельменной на Советской улице. Каков он из себя, вы и сами знаете. Удостоверение, уверен,

подлинное, но я в него не заглядывал. Зовут ли его Пал Палычем, не знаю... Господин выразил уверенность, что скоро меня найдут люди, не имеющие к его организации никакого отношения, и сделают настойчивое предложение. Бегать господин не советовал. Предлагал поработать двойным агентом. Собирает информацию... на новом месте работы.

– Каким образом предполагалась связь?

– Банальная телефонная. Мне бы ответили в любое время суток.

– Не подкинете телефончик?

– С удовольствием. Признаюсь честно, ни на кого не собирался работать. Ни на их дядю, ни на вашего. Пустился в бега, и хочу похвалиться – семь месяцев жил нормальной кочевой жизнью...

– Телефончик, пожалуйста.

Я продиктовал несколько несложных цифр.

– Спасибо, Михаил Андреевич. А номерок-то сохранили в памяти...

– А он простой. Рад бы забыть, да не могу.

– Разумеется. Что еще сказал ваш несостоявшийся куратор?

– Ох, как давно это было... Пал Палыч пытался меня убедить, что его компанию меньше всего волнуют алмазные рудники и прочая коммерция, процветающая в Каратае. Лукавил, конечно, но вдруг и вправду не всё так прямолинейно? Говорил про какой-то «испытательный полигон»...

– Простите?

– Эксперимент, благополучно свернутый несколько десятилетий назад. Чужие слова – за что купил, за то и продаю. «Совет мудрецов», набившая оскомину конспирология, все такое... Слышали про утопию? Модель идеального общества, несбыточно красивая мечта о будущем. Страна, где все по справедливости, граждане реализуют свои способности, получают по потребностям, где все общественные противоречия успешно разрешены – ну, типа коммунизм... Научный опыт – именно так он и сказал. Эксперимент продолжался почти век, но потом... как-то не срослось.

– Несбыточно красивая мечта? – недоверчиво переспросил собеседник. – Но вы же были в Каратае, Михаил Андреевич, вам не приходит в голову, что эта большая аномальная дыра, сопряженная с практически голливудским хорро-ром...

– Да нет, уважаемый, ужасы вполне российские. И с тихим библейским раем действительно не смыкаются. Думаете, я размышлял над словами Пал Палыча? А вдруг он обычный сумасшедший?

– Ну, хорошо, – помявшись, сказал собеседник. – Спасибо за откровенность. Мы разберемся с информацией – как бы дико она ни звучала. Позвольте вас еще помучить, не возражаете? Расскажите всё, что случилось с вами прошлым летом. Как попали в Каратай, как бежали оттуда, с кем общались по мере вашей увеселительной прогулки по урочищу.

Это важно, Михаил Андреевич. Любая информация из ваших уст может иметь значение.

Полагаю, особое значение для них имела информация, связанная с заговором. У меня не было оснований что-либо утаивать. Он ни разу не перебил, не одернул, когда меня заносило в лирику. Тема иссякла, но я не стал молчать.

– Послушайте, как вас там... Надеюсь, с моим бывшим коллегой по прокуратуре Булдыгиным вы не сделали ничего... неправомочного? Это стареющий беззащитный человек, не обладающий опасной для вас информацией...

– Не волнуйтесь. Планы на вашего товарища имелись, но, насколько знаю, они остались планами. У вашего коллеги случилось небольшое психическое расстройство – причины, думаю, на поверхности. Руководство прокуратуры не поняло, где отсутствовал Павел Викторович две недели и что случилось с исчезнувшими с ним людьми. Супруга встала горой. Гнала посторонних, мужа из дома не выпускала. В один прекрасный день они бросили служебную квартиру в Марьяновске, собрали минимум вещей и уехали в город Поронайск Сахалинской области – к сестре вашего коллеги. В данный момент там и проживают. Павел Викторович работает сторожем в доке, втайне от начальства пьет горькую – надо заметить, в меру – и тоскливо смотрит в сторону Японии.

Звучало неплохо, но я не исключал, что собеседник врет. Впрочем, сестра у Булдыгина в Поронайске имелась.

– Это не ложь, Михаил Андреевич, – понизил голос собе-

седник. – Все делается ради наших добрых отношений. Вы же понимаете, с кем имеете дело?

– Вы работаете на Благомора...

– Совершенно правильно. На того самого человека, благодаря которому в Каратае сохраняется порядок. Можно как угодно относиться к этому порядку, но он... порядок. В случае свержения... хм, существующего строя, Каратай будут тянуть в разные стороны, и воцарится такая мясорубка, что мало никому не покажется.

А вот в этом собеседник не лукавил. Порядок держался на существующем режиме. А особый порядок сохранялся в КОНЦЛАГЕРЯХ, в которых ежедневно хоронили десятки умерших. И отстрел одичалого «отработанного материала» по ущельям и равнинам считался частью БОЛЬШОГО порядка. А также то, что люди по всей стране бесследно исчезали, чтобы всплыть потом в Каратае в качестве бесплатной рабочей силы...

– Наша беседа подходит к концу, Михаил Андреевич. Вам уготовано неплохое будущее – если не наделаете, конечно, глупостей. Благомор вас видел в деле, он хочет с вами сотрудничать. Вы строптивы, но вы тот человек, который ему нужен. Вы не связаны с его врагами...

– Правда?

– Не связаны, успокойтесь. Это ваша судьба, от нее не уйти. Позвольте, кстати, ложку дегтя. Ради закрепления, так сказать, отношений. При последнем задержании – в поселке

Томилино – вы убили человека. Это не трюк, Михаил Андреевич, вы действительно убили человека. Помните, сумкой? Вы разбили ему череп, височные кости впились в мозг. Он умер через час – только и успели довезти до больницы. Покойного звали Рогачев Анатолий Федосеевич – майор МВД, заместитель начальника районной криминальной милиции. У погибшего остались жена и дочь. Он работал на нас, но федеральным органам, которые объявили вас во всероссийский розыск, слово «Каратай» ни о чем не говорит.

– Мне очень жаль...

– Не то слово. Его коллеги были в курсе, кого задерживали. Теперь ваша физиономия имеется в любом отделении милиции от Владивостока до Калининграда. На Большой земле вы больше жить не сможете. Оно и к лучшему, Михаил Андреевич.

– Вы знаете мои моральные установки – они вам не подходят. Лично я не могу себя представить...

– Люди меняются.

– Люди не меняются...

– Ах, перестаньте, Михаил Андреевич. Работники спецслужб, не блещущие талантами, становятся президентами, домохозяйки – знаменитыми писательницами, инженеры – юмористами. Неужели не справитесь? Главное, под каким углом на это взглянуть. Давно пора вам реализовать свои способности – чего на государственной службе вы сделать явно не смогли...

Не знаю, где меня держали. Я очнулся в серой комнате, похожей на номер в заштатной гостинице. Кушетка, кресло, продавленное до пола, дорожка поверх неровных половиц. Еще одна комната – с натяжкой гостиная, скромный санузел. В гостиной имелись зеркало, пожилой японский телевизор, шкаф с потрепанными книгами и даже выход на закрытую веранду с видом на бетонный забор. В зеркале отражался опухший мужик в домашних тапках с тоскливым взором. Сломалось что-то в отражении. Всё, от чего я бегал, догнало меня, переломило и построило. Я не знал, кто я теперь, каким буду, смогу ли с чистой совестью смотреть себе в глаза. Мне сделают «неплохое» предложение. В противном случае, к чему эта возня с бывшим следователем военной прокуратуры? Переправить в Каратай, и пусть работает в «лучшем» концлагере, пока не загнется. Но назревало что-то особенное. Похоже, Благomor всерьез собрался реформировать свои подразделения охраны и безопасности. Во что я превращусь через несколько месяцев? На чем меня доломают и перекуют?

Время в этом заведении тащилось, как хромая черепаха. Почему задержка? Технические накладки? Давали время свыкнуться с положением? Им это почти удалось. Неразговорчивые люди принесли мне одежду, периодически доставляли еду – вроде той, что скармливают пассажирам эконом-класса в самолетах (сытно, съедобно, но особой радо-

сти не доставляет). Полный «олл инклюзив». Я шатался по комнатам, листал отечественные детективы, изданные в прошлом десятилетии, мотал каналы в теляшке, которых было не так уж много, временами сидел в плетеном кресле на веранде, любовался небом. Иногда посматривал на себя в зеркало. Одутловатость (побочное явление медикаментозного «вмешательства») постепенно спадала, но веселее мужик в зеркале не делался. В его глазах, помимо тоски, обжилась обреченность. Часов меня лишили, представление о времени я получал по цвету неба. Часами не мог уснуть, ворочался, думал, вспоминал. Правду говорят: «Кто не страдал бессонницей, тот не знает своей биографии». На второй или третий день затвора я начал подмечать в теле дискомфортную тяжесть. Взялся за физические упражнения. Качался при помощи подручных средств – дивана, тумбочки для телевизора, – качался до полного изнеможения. Бегал в душ по несколько раз на день. Неоднократно порывался спросить у молчаливых парней, как долго тут еще сидеть, и всякий раз прикусывал язык. На Голгофу никогда не поздно. А эти типы все равно не скажут.

На третий, кажется, день вместе с едой на подносе я обнаружил пахнущую типографской краской вечернюю томскую газету. Это было неспроста. Я пробежал глазами по заметкам. «Нужный» материал располагался на второй странице в разделе «Криминальные новости». Это была не лучшая моя фотография. Снимки с собственной свадьбы, когда

я щеголял во взятом напрокат фраке, нравились мне больше. Данное фото трехлетней давности было взято из личного дела, хранившегося в отделе кадров Марьяновской военной прокуратуры. На снимке я был моложе, но вполне узнаваем. Ничто так не портит лицо, как надпись «Внимание, розыск!». Разыскивался особо опасный преступник, совершивший в П...ском районе серию разбойных нападений на сотрудников правоохранительных органов, в результате чего один офицер погиб, двое получили серьезные увечья (стало быть, те двое в грузовичке тоже были «офицерами»). Может быть вооружен... Пока не вскрылась его звериная суть, работал старшим следователем Марьяновской военной прокуратуры... Всем гражданам, кто имеет об этом человеке хоть какую-нибудь информацию... Не думаю, что для отправки меня в депрессию «жрецы» Каратая стали бы выпускать собственную газету. «Вечерка» была настоящей. Меня не мучила совесть о погибшем майоре МВД. Сам напросился. И неизвестно, я ли его убил, или свои слегка придушили, пока в больницу везли. Но настроение окончательно испортилось. Мрачнее тучи, я метался по своим клетушкам, грыз ногти, когда явились двое молодчиков, лаконично приказали надеть ботинки и следовать за ними.

– Куда? – вздохнул я.

– В подвал, – внес ясность конвоир. – Сегодня в нашем клубе будет фильм и познавательная лекция. Танцы... по желанию.

По белой простыне экрана ползли панорамные таежные виды. Снимать это могли где угодно. Хоть в Канаде или, скажем, в штате Вашингтон. Сосны и пихты везде одинаковые. Но картинка была красивой, не отнять. Полнометражный рекламный ролик. Камера под приятную фортепианную музыку фиксировала цветущие долины, обрамленные живописными скалами, уступами сползающую в ущелье тайгу – охапки лапника переливались изумрудным цветом. Искрящиеся водопады, низвергающие воду в каменные чаши-бассейны, тянущуюся змейкой горную речушку, кишашую форелью. Стадо пятнистых косуль форсировало пологую лощину. Кралась за добычей пушистая рысь, громадный бурый медведь носился по мелководью и лапой глушил рыбу. Потом он же, привстав на цыпочки, тянулся к дуплу дерева, в котором поселился пчелиный рой, лапой выгребал оттуда мед, терпел укусы разъяренных пчел. Сияли ослепительной лазурью озера, звенели солнечные березняки. Обрывки «социума» – опрятная деревенька попала в кадр оператора – добротные бревенчатые избы, палисадники, украшенные яблонями и подсолнухами, клумбы всех цветов. Вполне довольные жизнью мужики в расстегнутых жилетках задорно пилили дрова. Смеялись девушки на завалинке, плюясь лузгой от семечек. Рыбаки, весело матерясь, натягивали сеть поперек течения...

Всё это смутно напоминало агитки геббельсовской пропаганды – о том, как хорошо живется бывшим советским гражд-

дана в концлагерях и прочих гетто на оккупированных территориях.

– Относительно протяженная территория, ограниченная Среднесибирским плоскогорьем, Приленским плато и Ангарским кряжем, – комментировал происходящее на экране хорошо поставленный голос «лектора». Голос проистекал не из записи – он был живой, говорящий скрывался в темноте. – Каратай – урочище, то есть место, кардинально отличающееся от окружающей его действительности, – расположено в обширной замкнутой котловине. Связи с миром в привычном для вас понимании не имеет. Феномен. Загадка природы. Одно из неизученных и неучтенных чудес света. Видеозапись, предложенная вашему вниманию, сделана действительно в Каратае – нам незачем рекламировать свой товар, господа. Возврата к прошлому для вас не будет. Вы всё увидите своими глазами. Местность удивительно красивая, хотя, должен признаться, вам показаны только лучшие стороны тамошней жизни. Будь всё так идиллически, не потребовались бы услуги специалистов вроде вас... На территории урочища находятся несколько сотен деревень, есть крупные поселения, часть Каратая оснащена всей необходимой инфраструктурой и не только пригодна для жизни, но и... я бы так сказал – желательна для жизни. Население в обжитой местности разношерстное, преобладают русские – потомки староверов, сибирских крестьян, семеновских казаков, не пожелавших эмигрировать в Маньчжурию; дети и

внуки так называемого «бериевского» пополнения – освобожденных с Колымы в 53-м. Буряты, якуты, эвенки, потомки буддистских монахов, успевших унести ноги от Советской власти; шаманов, которым в смутные годы социализма тоже досталось. Потомки беглых пленных японцев, китайцы, сумевшие избежать высылки в 60-е, корейцы... Зимы в этой местности мягкие – средняя температура минус восемь градусов – что несколько отличается от средней зимней температуры в окружающей Каратай Якутии. Лето жаркое, но не знойное, переносится идеально. Дожди случаются, но не являются катастрофическим событием. Причины данных феноменов изучаются, но до конца пока не выяснены. Вам это и не нужно, господа. Мы пользуемся тем, что имеем. Слава Создателю, как говорится. Урочище, повторюсь, замкнутое, попасть в него крайне сложно. Все «коридоры» контролируются. Информация об урочище в регионы извне, к сожалению, просачивается, но по крупному счету данный феномен пока является чем-то вроде легенды. Инопланетян тоже многие видели. И от снежных людей спасались бегством. В урочище достаточно зон, где нежелательно присутствие человека... но данную тему пока опустим. Вам предоставляется, господа, не побоюсь этого слова, уникальная возможность жить и работать в одном из самых интересных уголков планеты. Всю положенную подготовку вы пройдете на месте. Уверены, вы сможете реализовать свои таланты. Вознамен – хорошее жилье, достойное материальное вознаграждение.

дение, а также отпуск дважды в год, место проведения которого вы выбираете сами – как правило, оно должно быть вне пределов России и стран ближнего зарубежья. Доставка на место планируется завтра. Самолетом «Ан-24» вы долетите до опорного пункта нашей организации вблизи северной границы урочища, а далее – вертолетом. А теперь предлагаю познакомиться друг с другом, господа...

Погас экран, и вспыхнул свет. Бетонный полый куб метров шесть на шесть, в передней части возвышение, свернувшийся в трубочку экран. В «зрительном зале» – несколько стульев. Кинозал, совмещенный с «ленинским уголком», – хотя ни одного плаката или воззвания. В левой части помещения обрисовался «боец невидимого тыла» – мужчина средних лет, с невыдающейся физиономией и полностью седой. Он был одет в двубортный костюм (красная цена – полторы тысячи на распродаже), серую водолазку. Данный экземпляр ничем не походил на хищника. Только глаза – маленькие, цепкие, как колючки репейника, царапали «слушателей», отслеживая их реакцию на доведенный материал.

«Слушателей», включая меня, было трое. У стены, привалившись к ней боком, сидел жилистый тип с жестким «ежиком» и крючковатым носом. Он мрачно смотрел на свернувшийся экран. Позади меня – еще один «претендент на должность» – плотнее первого, бледноватый, русоволосый, с тяжелым немигающим взглядом. Его немного знобило – временами он вздрагивал, передергивал плечами.

– Луговой Михаил Андреевич, – объявил «лектор», спускаясь в зал. Взгляды присутствующих устремились в мою сторону. Я сдержанно кивнул. – Тридцать семь лет, бывший работник военной прокуратуры. Уволился, можно сказать, с шиком...

Несколько минут безымянный господин перечислял мои мнимые и реальные заслуги, прошелся по биографии, заострил внимание на том, что, хотя я и славный парень, за мной ведет охоту вся правоохранительная система большого и «великого» государства. Я молчал – что тут скажешь? Самое смешное, что безымянный господин ни на йоту не соврал. Присутствующие офицеры (а разрази меня гром, если это не были офицеры!) тоже молчали, хмуро меня разглядывали.

– Корович Николай Федорович, – почти без паузы объявил говорящий, и вздрогнул жилистый тип, сидящий у стены. – Сорок три года, уроженец города Омска, женат, двое детей... примите мои соболезнования, Николай Федорович, но увидеться с семьей вам удастся очень нескоро – и просьба отметить, что это не наша вина, а исключительно ваша заслуга. До недавнего времени господин Корович проходил службу в специальном подразделении ФСБ, специализирующемся на отлове террористов. Имеет награды, поощрения от начальства. В активе – реально предотвращенные теракты на территории Северо-Кавказского региона; ряд успешных операций по обезвреживанию главарей бандитского подпо-

ля. Командовал группой спецназа. Последняя успешно проведенная операция с участием господина Коровича – уничтожение бандгруппы Асланбека Махтурова в Шалинском районе Чечни. В результате блестяще проведенной операции уничтожены семь из девяти боевиков, включая главаря, двое взяты в плен; потери спецназа – раненный в ногу боец, которого господин Корович самоотверженно вынес на себе из боя. Пребывая в отпуске, Николай Федорович узнал, что в результате мошеннических действий на рынке недвижимости младшего брата его жены квартира, в которой он проживал в Омске с семьей, оказалась дважды заложеной, и банк грозитя отнять жилплощадь, выбросив всех проживающих на улицу. Отыскать родственника супруги не удалось. С целью собрать за короткое время крупную сумму Николай Федорович пошел на авантюру: вступил в контакт с бывшим однокашником Гусейновым, занимавшимся переправкой мака-сырца из Таджикистана в Омск. Акция вопреки обещаниям оказалась не разовой, Николай Федорович, отвечавший за безопасность трафика, попал на крючок к членам преступной группы, на счету которой, помимо доставки наркотика, оказалось несколько убийств работников службы наркоконтроля. Деятельность преступников удалось пресечь, но пока раскручивался маховик правосудия, Николай Федорович как в воду канул. Объявленный в федеральный розыск, он несколько месяцев скрывался, пока не вышел на контакт с нашими людьми и не дал принципиальное согла-

сие работать на нашу фирму. Понимаем, это все от безысходности, Николай Федорович. Но спешу вас уверить, это не конец, это только начало. Вы правильно сделали, что дали согласие. Ваша жизнь изменится – изменится в лучшую сторону.

Как-то не было похоже, что последние слова произвели на Коровича впечатление. Он смотрел в пол.

– Шаховский Валерий Павлович, – сказал ведущий, и все посмотрели на русоволосого мужчину с пульсирующей жилкой на виске. – Уроженец города Саратова, разведен. Тридцать восемь лет. До недавнего времени – руководитель военизированного подразделения МЧС – особой структуры, о наличии которой в недрах уважаемого министерства известно не много. Но как у любой спецслужбы – а МЧС, по сути, гигантская спецслужба с разветвленной сетью филиалов, – в данном ведомстве должны быть вооруженные подразделения. Впечатляющий послужной список, несколько благодарностей, в том числе лично от Сергея Кужугетовича. Прошлым летом в Самарской области были крупные лесные пожары. Авиация МЧС сбрасывала тонны воды, десятки расчетов на земле боролись с огнем. Сгорели несколько деревень – жителей, к счастью, удалось эвакуировать. Собственная служба дознания выяснила, что пожары – по крайней мере, большая их часть – дело рук поджигателей. Установили круглосуточное наблюдение – и благодаря работе подразделения Валерия Павловича удалось схватить нескольких «ге-

ростратов». Но огонь уже подбирался к складам воинской части, расположенной на окраине поселка Верещей. Деревня сгорела, вывозили людей буквально из пламени. Часть складов тоже выгорела. В этот день от сильного напряжения у Валерия Павловича случился нервный срыв. Доподлинно неизвестно, что он думал, но он лично расстрелял троих мародеров, пытавшихся выбраться с наворованным добром из частично сгоревшего склада. Бес вселился в господина Шаховского. Когда коллеги пытались его образумить, он ранил в живот одного из своих подчиненных. Раненый впоследствии скончался. Обладая достаточным мужеством, господин Шаховский тем не менее не явился на допрос к следователю, а когда пришли за ним с ордером, фигуранта дела не нашли. Господин Шаховский пустился в бег. Это его выбор, жизнь одна, не нам его винить.

Несколько раз по мере изложения Шаховский порывался что-то сказать, то краснел, то бледнел, потом махнул рукой и замкнулся.

– Добро пожаловать в новую жизнь, господа офицеры, – объявил лектор. – Если хотите, можете пообщаться. Дорогу до своих комнат, думаю, найдете.

Он исчез в незаметной двери в передней части помещения, и воцарилась интересная тишина. Корович крикнул, оторвался от стены, изобразил несколько разных гримас, как будто разминал мышцы лица.

– Попали, черт... – У него был скрипучий голос.

– Жалеете? – пробормотал Шаховский.

– Не знаю, что и думать...

Оба посмотрели на меня.

– Скажите, Луговой, – произнес Шаховский. – Все, что нам тут показали, – он кивнул на экран, – это правда? Вы бывали в Каратае – этот тип сказал...

– Это не вся правда, – скупно отозвался я.

– Так и думал, – крикнул Корович. – Дурят головы нашему брату. И все же, вот так по-детски, это добро или зло?

– Это за гранью добра и зла. Фантастика, господа, ужасы, мистика...

– Даже интригует, – усмехнулся Шаховский. – Как вы думаете, нас сейчас подслушивают?

– Обязательно. Но что бы мы тут ни наговорили, это уже не повлияет на завтрашнюю переброску в Каратай.

– Звучит как «за линию фронта», – заметил Корович.

– Это и есть фронт, господа. Приятного мало, но местечко любопытное. На вашем месте я не стал бы оплакивать раньше времени свою загубленную жизнь. Не исключая, что кое-кому понравится.

– Но вам не понравилось, – вцепился в меня настойчивым взглядом Шаховский. – Сколько вы бегали от этих ребят...

– А у меня натура другая, – объяснил я. – Прикладная философия, господа. Хочешь выжить – превратись в сволочь. Хочешь преуспеть – превратись в первостатейную сволочь. Не знаю, тревожат ли вас подобные категории. Если нет – то

флаг в руки, добро пожаловать в ад...

Не думаю, что после этих слов они меня возлюбили, как брата.

Лопасты пропеллера рвали прохладный утренний воздух. Тяжелый грузопассажирский вертолет «Ми-6» шел на крейсерской скорости – километров двести, на высоте около двух тысяч метров. Трясло безбожно – не могло иначе это старое корыто. И дорогу выбрали самую «ухабистую». Я боролся с тошнотой – так и не научился до своих «преклонных» лет стойко сносить эту воздушную эквилибристику. Два ряда жестких кресел вдоль иллюминаторов – меньше половины из них были заняты пассажирами. Нутро вертолета переоборудовали еще лет сорок назад – судя по ржавчине, изъевшей перегородку в задней части корпуса. Там в хвосте располагался груз, отделенный от пассажиров запертой дверцей.

Трепало так, словно мы катились по гладильной доске. Я втянул носом застоявшийся воздух с примесью гари, пота, ржавчины, повернулся, уткнувшись в иллюминатор. Утро девятого июня выдалось безоблачным. Под брюхом вертолета тянулся бескрайний лесной массив, перемежаемый островками бурых скал и изгибами речушек. Это был еще не Каратай – я бы почувствовал его. Мы подлетали к Республике дезертиров с севера. Просыпался холодок в нижней части позвоночника, комок вставал у горла – предвестие того, что скоро до меня дойдет весь ужас положения...

А ведь только сегодня начал прозревать. Впрочем, был просвет, когда меня подняли ночью, заставили вырядиться в грубый серо-зеленый камуфляж, тяжелые ботинки со шнуровкой, защитное кепи с ушами. «Беги, – застучали молоточки по черепу. – При первой же возможности беги. Без денег, документов – ерунда, наживешь, добудешь, а вот свобода твоя... без нее ты не жилец!» Понимали мои «кураторы», что могу взбрыкнуть. Стерегли как особо опасного рецидивиста. Двое по бокам, двое дальше. Замкнутый бетонный дворик, черный кузов мини-вэна (по вместительности я бы назвал его «макси-вэном»), часовая тряска, по ходу которой мы с Коровичем и Шаховским решали сложные философские вопросы. Не сказать, что стали близки, но уже смирились с тем, что будем рядом. Попробуй догадайся, куда нас везли, чья воздушная база и кто все эти люди?! Мы выходили из машины, я еще не расстался с мыслью делать ноги, но даже стойку сделать не успел. Роботы с автоматами на взводе. Напряжены, готовы ко всему, четко знают инструкции и неукоснительно их соблюдают. Тряска в самолете – грузовой борт перевозил заколоченные ящики и кое-что еще, нам не показали. Стояли на запасной аэродромной полосе, чего-то ждали. Пересадка в предрассветном тумане. Большое ржавое корыто уже поджидало пассажиров. Я успел заметить, что это крупный транспортный вертолет «Ми-6». Производить их начали в далекие шестидесятые – похоже, данный экземпляр и был родом из той эпохи. Листы обшивки отста-

вали от корпуса, подвергались коррозии. Несуразный, похожий на капсулу, с провисшими лопастями несущего винта, по десять круглых иллюминаторов на каждом борту, причем последние четыре затемнены – то ли покрашены, то ли забиты – в том месте, где располагался закрытый отсек.

Под хмурым оком местной охраны нас загрузили в вертушку. Долго ждали пилотов – у этой махины не один, не два, а, если не ошибаюсь, целых шесть членов экипажа. Пока стояли, старший группы сопровождения Раздаш изложил «полетные инструкции», представил тех, кого считал нужным, проинформировал, что находиться в полете будем не менее трех часов, и если кого-то станет рвать, то пусть это делает себе в карман – не хрен тут вонизму разводиться... Потом ругался на поле с начальником местного бардака. Его успокаивали: «Не колготись, старшой, улетите, нам бы твои заботы...»

Пассажиров в первом отсеке было немного. Временами я открывал глаза, рассматривал бледные лица. Четверо сопровождающих, пятеро пассажиров. Пропорция какая-то странная, гонять такую махину ради пяти персон... Но что я в этом понимал? Мы могли быть «попутным» грузом, могло не подвернуться уместного транспорта, а возможно, властям Каратая было просто безразлично, сколько денег стоит перелет. Если арендуют вертолетную площадку на базе, забитой народом, и никто не задает вопросов, каждый слеп и глух... Напротив меня сидели Корович и Шаховский. Первый ду-

мал – явно не об острове в Индийском океане и не о мулатке, подползающей в бикини с бутылкой пива. Второй разглядывал пассажиров – несколько раз наши взгляды пересекались. Справа от них сидела женщина – невысокая, не сказать, что полная, в меру плотная, с приятным лицом, но не любительница выщипывать брови. Одевалась так, словно пригласили в поход, а в гардеробе исключительно вещи из бутиков, вот и пришлось фантазировать. Джинсы с бахромой, лакированные ботинки на платформе, утепленная цветная куртка, смотрящаяся дико в ржавом корыте; из-под бейсбольной шапочки иногда выбивались волосы, она их старательно записывала обратно. Последнему пассажиру было не меньше пятидесяти. Щуплый, нервный, в очках, напоминающий бухгалтера – он сильно волновался, часто протирал запотевающие очки. Женщина тоже беспокоилась, но она, по крайней мере, умела сдерживаться. Временами она бросала в мою сторону быстрые взгляды...

Справа через пару сидений постукивал по кобуре здоровяк Раздаш – хрипатый, волевой, простой, как корабельный боцман. Густые усы, кожа в оспинах, красные глаза – следствие хронического недосыпа и интереса к алкоголю. Без повода не орал, но так мог посмотреть, что больше не хотелось. Слева – его помощник по фамилии Тропинин. У этого на лице хотя бы след от образования остался. Молодой еще, осанистый, с тонкими, можно сказать, интеллигентными чертами. Без жестокости в глазах. Человек тянул свои обязанно-

сти, а доставляли ли они ему удовольствие, физиономия не сообщала. Двое последних – рядовой состав, доберманы, исправно реагирующие на команду «фас». На коленях укороченные десантные «АКС», магазины, слава богу, не пристегнуты. Первый – бородатый, щекастый – сидел у кабины пилотов, сладко зевал. Второй напротив, у закрытого отсека, щелкал клавишами мобильного телефона (просто баловался или в игрушку играл, вряд ли в этой глуши имелась устойчивая сотовая связь). Временами поднимал голову, ощупывал пассажиров неприятным царапающим взором. Этот тип мне сразу не понравился, было в нем что-то липкое, отталкивающее – явно не та фигура, с которой комфортно ходить в разведку.

Я повернулся к иллюминатору – появилось ощущение, что вертолет снижается. Мы находились в полете не больше часа. Зеленый массив под брюхом «Ми-6» определенно приблизился. Проплыла сопка, обросшая хвойными деревьями. Суховато стало в горле. Я перехватил неприязненный взгляд второго охранника. Покосился на Тропинина. Попробовать пообщаться? Парень явно тяготился одиночеством.

– Мы снижаемся? – каркнул я.

– Не орите, не глухой, – поморщился Тропинин и глянул на меня как-то не очень доверчиво.

– Да ладно вам, – сказал я. – Какие еще тайны? Вы «старослужащий», я «новобранец» – вся разница. Поговорите, Тропинин, все равно вам нечем заняться.

Он посмотрел зачем-то на часы, хмыкнул, подсел поближе. Теперь мы оба смотрели в один иллюминатор. У работника Благомора на пальце поблескивало обручальное кольцо – довольно увесистое, граненое, не за тысячу рублей. Может, не все так плохо?

– Да, мы снизились, – сообщил Тропинин. – Оптимальный потолок у этого тарантаса за две тысячи метров, но согласно инструкциям полеты собственной авиации над Каратаем должны осуществляться на высоте не более километра. Чуть позднее мы пойдем еще ниже.

– Под нами Каратай? – Под ложечкой неприятно засосало.

– О, у вас безотчетный страх от этого слова... – Губы Тропинина поползли в иезуитскую усмешку. – Ничего, Луговой, ничего, три года назад я трясся точно так же. Мы подлетаем к Каратаю, если вам интересно. У вас еще есть возможность разоружить охрану и героически броситься вниз. – Он смотрел на меня насмешливо, изучающее.

– Да больно надо, – проворчал я.

– Абсолютно не надо, – согласился Тропинин. – Просто убедите себя, что направляетесь в длительную командировку. Вот я, например, пару недель назад вернулся из Измира, где отдыхал с женой, мы оба получили неплохой заряд бодрости на ближайшие трудовые полгода.

– Детей нет? – зачем-то спросил я.

– Детей... есть, – усмехнулся Тропинин. – Проживают с родственниками супруги в... впрочем, неважно, где они про-

живают. Трогательные встречи иногда случаются, впрочем, не часто. Контракт подписан на десять лет, так что успеем еще пожить полноценной семейной жизнью.

– Север Каратая, если память мне не врет, непроходимые болота?

– Полагаю, самые непроходимые в мире. Но даже через непроходимые болота существуют тропы. И участки, относительно не затопленные. Край, где нечего делать пешему нормальному человеку. Испокон веков, с XIX века, здесь селились старообрядцы. Слышали про такой феномен?

– А то нет, – пробормотал я. – Старообрядцы, считающие себя настоящими православными христианами, селились, кстати, не только здесь. Они селились везде, где только можно. Все эти беспоповцы, бегуны, хлысты, странники, малеванщина...

– Экий винегрет у вас в голове, – снисходительно улыбнулся Тропинин. – Ну, правильно, разлаялись с Никоном... вы, конечно, понимаете, что я имею в виду не фотоаппарат... с царем Алексеем Михайловичем, насаждавшим церковные каноны по указке византийских кураторов, расплозились по стране. Веками подвергались гонениям, травле, уголовному преследованию. Уйма направлений у этих древлеправославных чудаков. Беспоповцы – «иже священства не приемлющие», не признавали церковных работников, муссировали идею об уже свершившемся воцарении антихриста. Петр Первый, например, – чем не антихрист? Безо всякой иронии

говору. Беспоповцы – тихие мирные люди, скрывались от людей, жили в собственном замкнутом мирке. А община бе-гунов, духовные пастыри считали, что нужно бежать, скрывать-ся от царствия антихриста. Сооружали двойные стены, сложные подвалы, хитроумные подземные коммуникации, чтобы удобнее было смываться, когда придет антихрист. Были и радикальные общины, хлысты, например. Тоже доста-точно милые люди. В основе вероучения вера в возможность прямого общения со «святым духом». А также в то, что он воплощается в наиболее продвинутых фигурах. А кто у хлы-стов продвинутый? Естественно, «кормчий» и «богороди-ца», на пару рулящие «кораблем», – так у хлыстов называют-ся общины. Обычное дело – самобичевание до потери пуль-са – только так ты достигнешь пресловутого седьмого неба. Сексуальные оргии – естественно, по велению и при участии «христа» и «богородицы». Но, в сущности, все тихо, камер-но. Люди к ним не лезут, они к людям... за исключением, конечно, проповедников, вербующих по миру паству. Самая прелесть – это, конечно, скопцы. Агнцы божьи, голуби бе-лые – так они себя называют. Последователи мистической христианской секты. Оскопление – богоугодное дело. Выс-шее состояние нравственного совершенства. Отнятие «удес-ных близнят» – вы, конечно, понимаете, о какой части тела идет речь; с частью мошонки – раскаленным железом. Эта-кое «огненное крещение». И всё практически добровольно, с блаженной улыбкой, под песни и пляски соплеменников. А

бывает, что и полностью детородный орган оттяпают – дабы навсегда исключить позы к греху. И женщин не жалеют – половые губы отрезают, клитор, груди. А потом поют осанны основателю скопчества Селиванову...

– И все это, хотите сказать, процветает там? – Я показал большим пальцем в пол.

– Признаться, это малая толика того, что происходит там. Весь север Каратая контролируют сектанты. Большинство этих сект давно утратили связь с православием, приобрели... – Тропинин покосился на меня как-то странно, – гностический, оккультный и, не побоюсь этого слова, дуалистический характер, – сам засмеялся. – Иначе говоря, сборище полных уродов. Феномен трудно охарактеризовать несколькими словами – все секты разные. Где-то извращения являются апофеозом веры, где-то они вполне умеренны...

– И вы все это терпите?

– А в чем проблема? Изгнать сектантов из урочища невозможно, уничтожить – проблематично. Правительство договорилось с ними много лет назад, – слово «правительство» он произнес без иронии. – Они не лезут в наш бизнес, мы не лезем в их дела. Их «кормчие», «христы» и прочие «пастыри светлых идеалов» получают от нас все необходимое для жизни, взамен проявляют лояльность и стерегут тропы на «материк». Думаете, они не знакомы с военным делом? У сектантов построены даже несколько диспетчерских пунктов, чтобы следить за воздушным пространством. Если рейс согла-

сован – пропускают, если нет – мгновенно улетает информация. Нарушителя могут сбить. Отсюда и инструкция – все полеты на малой высоте, позволяющей получить визуальную информацию о воздушном судне.

– Надеюсь, не собыют. – Я невольно поежился.

– Не бывало еще такого. Натура у «отцов прихода» трусливая. Мы не можем расправиться со всеми сектантами в массе, но порвать отдельную общину – занятие несложное и где-то даже увлекательное.

– Как же они пополняют свою паству, если живут замкнуто?

– Кого-то вербуют в окрестных деревнях – занятие несложное, поскольку большинство людей, мягко говоря, не процветает и не отказалось бы от какого-нибудь смысла в жизни. Бывает, что Благomor в качестве жеста доброй воли подкинет ненужных людишек – скажем, отработавших свой ресурс работяг или каких-нибудь инвалидов. Случается, что местные проститутки, обслуживающие нижний состав, залетают – в данном случае никаких абортov, заставляют рожать, а получившихся детенышей – прямым ходом в секту, с пастырем которой существует договоренность. А еще есть подозрение, что сектанты погуливают за пределы Каратая. Снаряжают так называемых «странников» – те и бродят по деревням, не сильно избалованным обилием урожая. Как-то выкручиваются...

Оцепенение накатило. Не сказать, что я был полным

неучем в данном вопросе. «Чудачества» раскольников трудно переоценить. Одни вполне безвредные, ходят в платочках, отращивают бороды до пят, всего лишь и причуд, что чураются людей, крестятся двумя перстами да обрядовые действия синхронизируют во времени: крестные знамения совершают одновременно с поклонами. А бывает, что волосы дыбом. Распутин был хлыстом – но так и не признался. А уж этот парень знал толк в извращениях. В отдельных сектах было модно самосожжение. «Самосожигание», как говорилось в старину. Благое дело – погубить себя в благочестивом огне. И детишек своих, и прочую родню – если ты ее, конечно, любишь и желаешь ей вечного блаженства. «Господи, помилуй! Для тебя, Господи!» – орали фанатики и с факелом взбирались на костер. Принятие угарных бань почиталось, другие способы «самоумерщвления». Масса «добрых традиций». Десять дней девицы, решившие «принять венец», сидели в сарае, без еды, без связи с миром. Затем их выводили – голодных, бледных, в длинных белых рубашках, сталкивали в овраг, наполненный талой водой. Радовались за них, топили, если те брыкались. А затем служили «неугасимые» по усопшим, бились в молитвенном экстазе, восхваляли «пастыря» и «восприемницу», доведших их до такой жизни...

Не хотелось бы пересекаться с этими «аномалиями». Беседа с Тропининым прервалась как-то внезапно. Кажется, я задремал. Проспал минуты две, открыл глаза. Ничего не пропустил? Болтало, гремело – я начинал привыкать к этой

тряске и грохоту. Лампочка над кабиной пилотов прерывисто иллюминировала. Отвернулся Тропинин, скрестил руки и закрыл глаза. Дремали практически все. Не дремала только женщина напротив. Она увидела, что я не сплю, и по лицу ее забегали тени сомнений. Она покосилась по сторонам, опасливо глянула на охранника с царапающими глазками, который спал, оскалив изъеденные кариесом зубы, привстала, перебежала через проход и опустилась на пустое сиденье справа от меня.

– Ох, простите ради бога... – Тряхнуло, мы чуть не повалились – я успел отбросить ногу и упереться в пол. Она отпрянула и покраснела. Стеснительная, подумал я. Какого хрена она тут делает?

– Вы можете со мной поговорить? – спросила женщина. От нее исходила такая волна страха, что ее можно было потрогать.

– Конечно, – без особой охоты отозвался я. – Почему именно со мной, сударыня?

– Не знаю... – она смутилась. – У вас лицо хорошее, внушает доверие... вам тоже не по себе... Послушайте... меня зовут Людмила... Людмила Суслина... Мне кажется, это не та командировка, на которую я рассчитывала...

– Вы летите в командировку? – удивился я.

– Ну, если это можно так назвать... Я работаю в Томском медицинском исследовательском центре. Считаюсь неплохим специалистом...

– В какой, позвольте полюбопытствовать, области?

– В области патологий...

– Каких именно патологий?

– Анатомических патологий...

«Ничего себе», – подумал я.

– Это не то, что вы подумали... Вернее, не совсем то. Мы изучаем причины, механизмы развития болезней, осложнения, итоги заболеваний... Это также исследования причин и механизма смерти... Моя специальность – клиническая биохимия. Но вы же не медик, нет? Такие понятия, как танатогенез, патоморфоз, ятрогенная патология – они же ничего вам не говорят?

– Абсолютно.

– Дело не в этом. Я пишу кандидатскую диссертацию, в сентябре должна защищаться... Вчера утром меня вызвали к руководству...

«А вот с этого места можно не продолжать», – подумал я.

– Со своим прямым руководителем Казанским Ильей Петровичем я не успела пообщаться... Он был такой неразговорчивый, не в духе, нервничал... Представил меня незнакомому человеку – мол, коллега из областного патологоанатомического НИИ. Некто Платонов Иван Сергеевич. Тот долго что-то говорил – о том, что я прекрасный специалист, что я именно та, кто ему нужен, что требуется срочная профессиональная консультация, при необходимости назначение курса лечения, что все необходимое оборудование име-

ется, что это в моих же интересах – мол, случай любопытный, я соберу интересный материал для своей диссертации. Лететь придется в отдаленный район, никому из коллег, друзей и знакомых о командировке лучше не знать. Моя работа будет щедро оплачена, а после того как в моих услугах перестанут нуждаться, меня доставят прямо домой...

– Насколько щедро вам обещали заплатить, Людмила?

– Двести тысяч рублей... Пятьдесят выдали сразу же... Он просто из кармана достал и выдал, представляете? Сказал, что завтра прямо из дома меня заберет машина, чтобы оделась потеплее... Он ушел, а я побежала к Казанскому. А тот прятал глаза, бормотал, что Платонов его старинный знакомый, что я должна делать все, что он скажет. Ведь я же не хочу неприятностей в собственном институте?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.